



ТЕОДОРА ЯННИЦИ, кандидат исторических наук, директор Греческого
Культурного Центра – ГКЦ в Москве (www.ecucenter.ru)

ГЛАВА 1. ГРЕЦИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ 18 – НАЧАЛЕ 19 ВВ.

§1. ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И ГРЕКОВ

*Прекрасный климат, богатство
произведений, выгодное положение для
торговли и знаменитые происшествия
Древней Греции всегда будут привлекать на
острова Архипелага любопытных
путешественников и обращать внимание
политиков.*

В.Б.Броневский, офицер российского Флота

Во второй половине 18 века традиционные давние контакты между Россией и Грецией обретают новые очертания в связи с усилением военно-политической роли России в средиземноморском регионе. В результате русско-турецких войн 1768-1774 гг. и 1788-1792 гг. Россия приобрела значительные земли на юге, а ее флот прочно обосновался в Средиземноморье. Как отмечал греческий исследователь Никос Своронос, вынашивая планы упразднения Османской империи и ее замены на так называемую «Балканскую империю» во главе с русским дворянином, российская дипломатия времен Екатерины II активно выступает под лозунгом восстановления «“исторических прав” эллинизма на территории

бывшей Византийской империи».¹ При этом российские агенты постоянно вступали в контакт с лидерами греческих общин, духовенством и военным сословием с целью организации восстаний греков против турецких властителей.²

Следует отметить, что в это время Греция еще не существует как отдельное независимое государство, поэтому под этим названием понимается прежде всего общность людей, в большинстве подданных Османской империи, объединенных единой верой и языком и преимущественно населявших территорию некогда могущественной Византийской империи. В связи с этим понятие «Греция», используемое в данной работе, гораздо шире, чем территориальные границы государства Греция, будь то после Греческой освободительной революции 1821 года или в наши дни.

Не секрет, что подавляющее большинство русских в этот период черпало свои представления о Греции в основном из школьных и университетских учебников классического образования. Широко распространённым было и мнение об угнетенности православных греков-христиан жестокими и алчными турками, державшими братьев по вере в унижительном рабстве. Поэтому русские путешественники во многом открывали для себя новую Грецию, которая подчас значительно контрастировала с их изначальными представлениями.

Уже самые ранние описания путешествий в Грецию достаточно четко определяли то общее начало - православную веру, - которая неизбежно обуславливала изначальное благожелательное общее отношение русских и греков по отношению друг к другу. Эти черты греческого народа достаточно характерно отмечает в своих описаниях киевский монах Василий Барский, который в 1723-1747 гг. предпринимает путешествие по святым местам, в число которых, естественно, попадают и греческие христианские церкви и

¹ Σβορώνος Ν.Γ. Επισκόπηση της νεοελληνικής ιστορίας. Αθήνα, 1994. Σ. 59.

² Ibidem.

монастыри. Барского поражает тот чрезвычайно теплый прием, который русским путешественникам оказывает греческое население практически везде, видя в них прежде всего своих единоверцев. Так, когда он со своими попутчиками оказался на острове Корфу практически без средств к существованию, местные церковные деятели помогли оформить разрешение, чтобы «эти странные путники из стран Российских» собирали на острове милостыню и даже дали им в сопровождение греческого иеромонаха Афанасия. Когда же русские странники «собрали немалую милостыню», весть об их прибытии уже разнеслась по всему городу и греки даже соперничали, кто из них первый пригласит русских странников к себе домой.³ Барский, однако, отмечает, что подобное отношение распространялось далеко не на всех, а лишь на представителей православной веры. Характерным примером может служить описанная им больница на острове Хиос, где бесплатно принимали, лечили и кормили людей, но исключительно православной веры.⁴ Характерно, что именно в церквях и монастырях, которые посещали русские паломники, и происходило их знакомство с греческим населением.

Труд Барского достаточно характерно описывает тот общий контекст, в котором имели место контакты между россиянами и греками. Однако конкретные исторические события накладывали также определенный отпечаток на восприятие русскими греков и наоборот. Это достаточно характерно проявилось во второй половине 18 - начале 19 веков, когда российские войска вели активные боевые действия против турок непосредственно в местах, где проживали и вели свою хозяйственную деятельность греки.

Хотя настрой большинства греков по отношению к русским был положительным, все же воспоминания русских путешественников

³ Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. Ч. 1. Спб., 1778. С. 118-119.

⁴ Там же. С. 131.

содержат немало примеров неоднозначного отношения к русским со стороны греков. В ряде случаев русским приходилось даже сталкиваться с откровенной недоброжелательностью и враждебностью. По-видимому, это было связано с тем, что морские силы России не всегда и не всеми воспринимались исключительно как освободители Греции от турецкого ига. Подчас греки видели в них войска, которые своими военными действиями препятствовали ведению торговли - одного из основных источников обогащения греков, а также создавали дополнительные трудности для мирных жителей. Более того, греки, находившиеся на службе у турецкого правительства, едва ли могли видеть в россиянах своих союзников, а, занимая более высокое положение в греческом обществе, они в определенной степени могли оказывать влияние и на настроения простого населения. Капитан российского флота Степан Хметевский, принимавший участие в боевых действиях в Эгейском море в 1770-1774 гг., описывает, как российский флот задержал огромное количество различных торговых судов, перевозивших товары как из Турции, так и в Турцию. Причем среди этих судов было немало и греческих. Обычно, в таких случаях Россия конфисковывала товары и суда, отпуская лишь экипаж и судовладельцев, если последние не являлись турками или арабами. С греками же россияне поступали более благосклонно. Если товар принадлежал туркам, то, отпуская греков, русские моряки конфисковывали судно и товар. «Ежели товар хотя и греческий, а везут в турецкие места, то, взяв товары, отпускали греков с судами безденежно», - вспоминал Хметевский.⁵ Тем не менее опасности на морских путях, сопряженные с войной, а также подобные конфискации товаров не могли в определенной степени не сформировать негативное отношение к русскому флоту у части греков.

Военные действия русских войск нарушали и сложившийся мирный уклад жизни греческого населения Османской империи. Зачастую в ходе

⁵ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Спб., 1855. С. 67.

боевых действий страдали и мирные греческие жители. Нет ничего удивительного в том, что в ряде случаев греки оказывались на стороне турков, воюя против российских войск. Хметевский описывает, как при штурме одной из крепостей «греки, где есть оказия русского застрелить, случая не упускают, что я сам видел: по моему баркасу стреляли не одни турки, но были и греки».⁶

Возникшая у некоторых греков обида на действия русского флота в ходе боев с турками и, как следствие, общий негативный настрой по отношению к России, изживались нелегко. Иван Вешняков, предпринявший в 1804-1805 гг. путешествие в Иерусалим через греческие земли, так описывает произошедший с ним инцидент на острове Митилина в ноябре 1804 года:

Во время нашего в трактире обеда бывшие в оном два старика-грека узнали из разговоров наших, что мы россияне. Один из них, вынув из-за пояса маленький свой нож, сказал нам по-гречески: «Я замечаю, что вы русские, коих флот в войну с турками причинил много нашему острову разорения по случаю починки своих кораблей. И таких должно умертвить».⁷

Характерно, однако, что, едва спасшись бегством от подвыпивших греков, русские паломники не стали докладывать о случившемся турецкой администрации, чтобы не навлечь наказания на обидевших их греков.⁸

Данные примеры являются ярким свидетельством того, что определенная часть греческого населения в рассматриваемый период еще не до конца ощущала потребность борьбы с турецким игом, а следовательно, не могла рассматривать и Россию в качестве своего союзника в деле обретения национальной независимости. Гораздо важнее для этих представителей греческой народности было ощущение стабильности жизненного уклада,

⁶ Там же. № 2. С. 129.

⁷ Вешняков И.И. Путевые записки во Святыи Град Иерусалим и в окрестности оного в 1804 и 1805 год. М., 1813. С. 24.

⁸ Там же.

ради чего они готовы были даже мириться с турецким гнетом, к которому они, по-видимому, смогли в большей или меньшей мере приспособиться.

Утверждая свое военно-политическое влияние на территориях, населенных греками, русские неизбежно вынуждены были принимать участие и во внутривосточных схватках отдельных кланов греческой знати, борющихся за власть. Со всей очевидностью это проявилось, например, во время создания Ионической республики, территория которой до этого находилась под контролем Франции. Капитан Владимир Броневский, посетивший различные части Средиземного моря в составе русского флота в 1805-1810 гг., вспоминает, что на острове Корфу, который являлся столицей Ионической республики, совершенно отчетливо обозначились враждовавшие между собой пророссийская и профранцузская партии, каждая из которых пыталась использовать противостояние морских держав в свою пользу. В то время, когда Корфу находился под контролем французов, последние «некоторым, кои более им помогали, дали лучшие земли, отнимая их *по праву завоевания*», а часть про-росийски настроенных дворян даже выехала в Россию в поисках защиты. Когда же на острове утвердилось российское влияние, «вместе с французами и преданные им оставили свое отечество». Поэтому, делает вывод автор, «между дворянством осталось семя вражды, которое нескоро может быть истреблено, потому-то каждый

желающий найдет в Корфу свою партию».⁹ Последнее замечание автора заслуживает особого внимания, так как столкновение интересов отдельных группировок внутри Греции и их ориентация на различные наиболее сильные европейские державы того времени создавали очевидные предпосылки и возможности для усиления анти-росийских настроений в Греции в последующем, особенно когда влияние России в регионе начнет ослабевать на фоне усиления роли других европейских держав.

⁹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 2. СПб., 1819. С. 100.

Однако негативный настрой греков к русским встречался далеко не всегда и не везде. Во многом отношение формировалось под воздействием конкретных обстоятельств и характера контактов между двумя народами. При этом зачастую прагматические соображения играли далеко не последнюю роль.

Воспоминания путешественников изобилуют свидетельствами того, что греки именно в русских зачастую видели возможность избавления от религиозных притеснений со стороны турок. Уже упоминавшийся выше Хметевский, например, описывает, как группа представителей высшего духовенства ряда греческих островов Эгейского моря направила в феврале 1771 года послание на имя императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова, командовавшего русской эскадрой, с просьбой взять под опеку и покровительство «всех греческого исповедания благочестивых христиан».¹⁰ Однако более важным представляется то, что сходные настроения были распространены не только среди высшего духовенства, которое, несомненно, было более искушенным в делах политических, но и среди простых верующих. Броневский описывает несколько случаев, когда простые греки при встрече с русскими просили помочь избавиться от религиозного притеснения турок. Приведем лишь одно характерное описание из его воспоминаний о посещении российскими кораблями острова Имврос:

Каждый турок-начальник селения требует подарок. За свободу богослужения начальник острова иногда требует произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает сломать церковь. Это несчастье случилось и с здешними жителями. Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям восстановить церковь. Он в длинной речи изъявил свое прошение. ...Я удивился, но имея в мысли внушения начальства - «сколько можно снисходительно обходиться с греками» - и при том полагая, что отказ мой не будет им понятен (ибо не только офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходнейшим), я дал

¹⁰ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. Спб., 1855. С. 63-64.

мое согласие и вынужден был идти с народом туда, куда меня повели.¹¹

Во время турецкого ига православная вера для греков являла собой основу их единения. Во многих небольших деревушках священник был местным предводителем, который имел огромный авторитет у прихожан и оказывал большое влияние на их образ мышления и поведение. Церковь была и основой культурной жизни многих поселений, а во время турецких набегов православные монастыри оказывались последним убежищем для греческого населения. Поэтому помощь и покровительство, оказываемые русскими своим единоверцам, безусловно, располагали к ним греческое население. Русские военные описывают немало случаев, когда греки оповещали русских о приближении турков, оказывали им помощь продовольствием. Многие греки участвовали на стороне русских в борьбе с турками.

Однако даже если греки не могли непосредственно помочь русским и принять участие в боевых действиях, они нередко радовались успехам русских войск и поражениям турок. Лейтенант русского флота Сергей Плещеев описывает, как во время его поездки на Ближний Восток в 1772 году было получено известие о начале новых боевых действий российского флота против турок. По его словам, это известие вызвало взрыв восторга у греческого населения: «Народ весьма радовался, ибо они все считают себя счастливыми, что помогают россиянам против турок».¹²

Когда в 1821 году в Греции началась революция, греки все в большей мере обращают взоры к России и видят в ее поддержке залог достижения успеха в борьбе с османским игом. Причем никогда до начала вооруженного восстания вопрос жизни и смерти не стоял так остро для греков. Оказавшийся почти в центре вооруженного противостояния русский

¹¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб, 1819. С. 36. Также см.: С.48.

¹² Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. Спб, 1773. С. 69.

паломник Кир Бронников, крепостной графов Шереметьевых, так описывает общественные настроения, царившие на острове Скопелос, находившемся недалеко от Афонской горы: «Жители все в великой находились печали, а особенно женский пол. Встречаясь с нами на улицах и не разумея русского языка, со вздохом сквозь слезы они нам говорили, о чем узнали мы через переводчика: *если не поможет нам Россия, то мы греки все пропали*». Правда, при этом он добавляет, что оставалась часть жителей острова, которые не разделяли такой точки зрения: «А иные и при таких тесных обстоятельствах не покидали своей гордости».¹³

Впрочем, стоит отметить и значительную долю прагматизма, который был присущ отношению греков к русским. Несмотря на то что цели России и Греции в борьбе с турками зачастую совпадали, многие греки были отнюдь не прочь извлечь дополнительные выгоды из своих контактов с россиянами. При этом в полной мере проявлялись такие характерные качества греков, как предприимчивость, деловитость, а зачастую и хитрость. Греки выступали в роли продавцов тех товаров и услуг, которые были необходимы русским морякам и другим путешественникам. При этом выбор у россиян был весьма ограничен, а греки не особо стеснялись пополнить свой карман за счет единоверцев и союзников. Такие примеры встречаются практически во всех воспоминаниях военных. Хметевский пишет, как в начале 1770-х годов греки, занимавшиеся торговлей в Средиземном море, продавали свои товары русским по крайне высоким ценам: «Что из Ливорны привозят, съестное, питейное или платье и обувь, с нас берут барыша на копейку копейка, да еще за дешевое посчитается, а другое втрое».¹⁴ Броневский описывает подобную же ситуацию в начале 19 века, когда на уже упоминавшемся острове Имвросе, жители деревни, встретившие русские войска, «с радостью

¹³ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 239.

¹⁴ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. Спб., 1855. С. 82.

предложили, хотя и немного, но все, что они имели». Когда же русские отказались брать что-либо бесплатно, «тут обнаружилась сметливость греков, кои за то, что прежде отдавали за 10 копеек, стали требовать рубль».¹⁵ Наконец, Бронников с некоторой обидой пишет, как уже во время освободительной революции на острове Ипсара русским паломникам «что нужно для нас было из провизии, почти насильно с пристани выдали, и то недостаточно и за дорогую цену, не уважив того, что мы российские подданные».¹⁶

Однако усиление роли России в средиземноморском регионе давало и немало преимуществ греческому населению. Это в особенности характерно проявилось после создания Ионической республики на островах Адриатического моря в 1800 г. Россия фактически не только способствовала созданию нового государственного образования, где органы власти формировались из греческого населения, но и добилась многих торговых и налоговых привилегий для греческих торговцев в Адриатике и Средиземноморье. Путешествовавший в 1806-1809 гг. с российским флотом дипломат Павел Свиньин вспоминает, что, «несмотря на военное состояние, коммерция их процветала более и более. Не только налогов никто не платил ..., но за все платилось им чистыми деньгами, и жители даже обогащались за счет российских войск».¹⁷ Неудивительно, что когда в 1807 году Ионическая Республика перешла под французский протекторат, «некоторые из республиканцев, в особенности чернь, привязанные к русским, чрезвычайно тужат об этой перемене».¹⁸ Последний факт, в частности, свидетельствует о том, что наиболее благожелательным отношением к России и русским было

¹⁵ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Часть 3. Спб., 1819. С. 35.

¹⁶ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 196.

¹⁷ Свиньин П.П. Воспоминание на флоте. Ч. 1. Спб., 1818. С. 240-241.

¹⁸ Алферов Н.Ф. Два письма русского путешественника. Вестник Европы. № 11. М., 1808. С. 126.

среди простых греков, в то время как политические и экономические элиты, то ли в силу полученного в Европе образования, то ли под влиянием их экономических интересов или каких-либо других причин, в большей мере были ориентированы на Запад.

Россия по мере возможности покровительствовала и развитию образования в Греции. Когда в 1771-1774 гг. часть островов Эгейского моря находились под покровительством России, Екатерина II своим указом постановила учредить на острове Наксос училище для греческих детей. Однако после подписания Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией в 1774 году остров был возвращен Оттоманской империи, и тогда «обучавшиеся были перевезены российским флотом в Санкт-Петербург, где восхищаются материнским Минервы призрением».¹⁹ Приблизительно в это же время начинается и целенаправленная политика России по привлечению греческих поселенцев в южные районы России, отвоеванные у Турции, где грекам предоставлялись различного рода льготы.

Внешняя политика России в регионе и благосклонное отношение россиян к грекам были продиктованы отнюдь не только симпатией к участи единоверцев, находившихся под турецким игом. Подобно тому, как в отношении греков к русским была изрядная доля прагматизма, так и главной целью России в регионе было не только и не столько освобождение греков, сколько усиление военно-политического влияния России в Черноморском и Средиземноморском бассейнах и укрепление южных рубежей Российской империи. При этом греки воспринимались как естественные союзники России, которые могли оказать помощь в достижении этих целей. Действительно, практически в каждом воспоминании русских путешественников, участвовавших в военных действиях против турок, содержится немало примеров, когда греки помогали в борьбе с турками. Приведем лишь одно из таких описаний о событиях русско-турецкой войны

¹⁹ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 40, 72.

1768-1774 гг., принадлежащее офицеру российского флота Матвею Коковцеву и достаточно характерно отражающее мнение российских путешественников о греках:

Во время пребывания российского флота в архипелаге, ободряемые российским оружием, явили они знаки отличной храбрости. Самые малые их суда при нападении турецких галер лучше жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска из них набранные ... при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Ипсариоты, Миконцы и прочие островитяне вооружали небольшие суда ..., которые при помощи российского флота не только множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селенья.²⁰

Лексика, используемая русскими путешественниками в своих воспоминаниях не оставляет практически никакого сомнения в том, что усиление России в средиземноморском бассейне носило прежде всего экспансионистский характер и едва ли ставило главной целью освобождение Греции от турецкого ига или иного иностранного влияния. Так, например, описывая создание Ионической Республики, Броневский пишет о «покорении», а не освобождении островов.²¹ Русские путешественники недвусмысленно дают понять, что усиление России в Средиземноморье рассматривалось во многом как продолжение ее колониальной экспансии на юг. Не случайно в отношении греческих островов зачастую применялся термин «колонии», а о греках писалось едва ли не как о новых подданных Российской империи. Морской офицер Н.В.Коробка вспоминает, как «императрица Екатерина II, вскоре по восшествии своем на престол, желая иметь хоть малую колонию на Средиземном море, под видом уважения отечества Улисса и Телемаха, предлагала Венецианской республике за сей

²⁰ Там же. С. 71-72.

²¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Часть 2. Спб., 1819. С. 100.

остров (Итака — Ф.Я.) значительную сумму».²² Броневский, описывая Ионическую Республику, в частности остров Корфу, отзываясь о ней скорее как о некой части Российской империи с особым статусом, нежели о независимом государстве: «Корфа по справедливости почитается столицей наших приобретений в Средиземном море. Она более походила на русскую колонию, нежели на греческий город - везде видишь и встречаешь русских. Жители привыкли к нашим обычаям, многие научились говорить по-русски, а мальчики даже пели русские песни».²³

Он же достаточно недвусмысленно пишет о тех интересах, которые преследовала Россия, распространяя свое влияние на Ионические острова. Условно цели России можно разделить на военно-политические и торговые. Во-первых, сильные позиции российского флота в Средиземном море позволяли России укрепить свое военное присутствие в регионе и статус великой морской державы: «Россия, почитаясь второй морской державой, имеет одно Черное море способное для плавания круглый год, Балтийское же открыто бывает только пять месяцев, имея же Корфу морские офицеры и 10000 матросов приобретают познания в чужих морях».²⁴ Во-вторых, военно-политическое влияние в регионе позволяло активно продвигать российские торговые интересы. Броневский отмечает, что в 1806-1807 гг. число российских торговых судов увеличилось почти в четыре раза. При этом «в Средиземном море российский флаг преобладал над всеми прочими».²⁵ Характерно, что освобождение греков и других народов от турецкого ига трактуется русскими путешественниками как событие немаловажное, но не являющееся особой целью российских войск. Скорее оно просто было неизбежным следствием усиления России в регионе и определенного

²² Коробка Н.В. Письма морского офицера. Ч.1. М., 1825-1826. С. 54.

²³ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 2. СПб., 1819. С. 255.

²⁴ Там же. Ч. 1. СПб., 1818. С. 118.

²⁵ Там же.

совпадения целей. «...Греки, обитающие в Морее, Албании и Архипелаге, ... мечтали о вольности. <...> Кротость правления, благость и праводушие нашего монарха соединяло в пользу нашу различные народы, и мы, будучи окружены тогда неприятелем, находили себя столь же безопасными, как бы и в самой Москве», - отмечал Броневский.²⁶

Благосклонность греков по отношению к русским, а также совпадавшие цели и интересы двух народов подчас приводили к искаженному представлению русских о настроениях греков. Многие российские путешественники заблуждались, наивно полагая, что греки сочли бы за благо, избавившись от турецкого гнета или иного иностранного влияния, стать подданными Российской империи. В этом отчасти проявились российские стереотипы имперского мышления, которое едва ли предполагало создание новых независимых государств-наций на территориях, на которые Россия распространяла свое влияние. Вот как, например, тот же Броневский описывал в 1807 году жителей Пелопоннеса:

Они также суровы, также любят вольность, оказывают уважение старцам, поют одни военные песни, не страшатся опасностей и бессмертно умирают. Но что важнее, когда Магомет II (турецкий султан - Ф.Я.), счастливый завоеватель Константинополя, не осмеливался испытать своего счастья против сих храбрых республиканцев, они с вершин своих утесов наблюдают проплывающие мимо них российские корабли и нетерпеливо ожидают появления войск наших, дабы принять их как братьев и вольность свою повергнуть к стопам российского монарха.²⁷

Некоторые из русских путешественников даже выражали свое презрение по поводу, как они считали, раболепного отношения греков к русским. Так, описывая и восхваляя достижения и подвиги древних греков, Коробка на примере жителей Корфу считает, что ничего подобного в современной ему Греции уже встретить нельзя: «Я ищу их (героев,

²⁶ Там же. С. 117-118.

²⁷ Там же. Часть 3. Спб., 1819. С. 4-5.

философов, художников и др. — Ф.Я.) и вижу одних *покорных слуг*, которые вольности своей доказать ничем не могут, разве только республиканским флагом, развевающимся на крепостях, на бастионах коих спокойно прохаживаются наши усатые гренадеры».²⁸ Однако в такого рода оценке присутствует значительная доля субъективного отношения автора, считавшего себя представителем великой державы, покровительствовавшей Ионическим островам. Возможно, во взглядах Коробки присутствовало и неприятие идей республиканизма, в связи с чем он пытается всячески принизить любовь греков к свободе, символом которой был республиканский флаг, и представляет их благодарность и благожелательное отношение к помощи России в виде раболепия. Во взглядах автора отразилось и противоречие, которое стержневой нитью пройдет через политику России по отношению к Греции в последующие годы, в том числе и после обретения независимости: отвергая идеи революции и республиканизма, монархическая Россия вынуждена будет волей-неволей поддерживать именно подобные формы освободительной борьбы греков против турок.

Таким образом, общность религии и совпадение целей в борьбе с Османской империей являлись важными факторами, которые сближали русских и греков на протяжении нескольких десятилетий, предшествующих национально-освободительной революции. По мере того как идеи борьбы с турецким игом проникали в массы, Россия все в большей степени воспринималась как союзник греков в этой борьбе и даже в какой-то мере как покровитель угнетенных единоверцев. При этом, правда, в отношении к русским была и значительная доля прагматизма, что в немалой степени было связано с национальным характером греков и нормами поведения, выработанными за долгие годы правления османских султанов и помогавшие греческому населению избежать ассимиляции в неблагоприятных условиях турецкого ига.

²⁸ Коробка Н.В. Письма морского офицера. Ч. 1. М., 1825-1826. С. 42.

§2. УСЛОВИЯ ВЫЖИВАНИЯ ГРЕКОВ В ПЕРИОД ТУРЕЦКОГО ИГА

Турецкое иго, несомненно, повлияло на формирование многих характерных черт бытового уклада, характера и менталитета греческого населения. Естественно, многие особенности жизни и поведения греков не могли остаться незамеченными русскими путешественниками.

Варианты приспособления к неблагоприятному турецкому окружению у греков во многом зависели от характера контактов с турками. Можно условно выделить несколько основных парадигм поведения, которые, несомненно, далеко не исчерпывали все особенности адаптации греков к турецкому игу. Когда контакты с турками ограничивались лишь присутствием наместника, грекам удавалось сохранять многие черты своего жизненного уклада, откупаясь от турецких начальников. Наиболее характерным, хотя, возможно, и не самым показательным примером в этом смысле была греческая гора Афон. Вот как ее описывает русский чиновник Дмитрий Дашков, посетивший гору в 1820 году: «Власть аги (турецкий наместник, назначаемый султаном — Ф.Я.) ... совершенно ничтожна. Он знает, что монахам нетрудно сменить его при малейшем неудовольствии, и потому живет смиренно ... на их содержании. Святые отцы не позволяют иметь гарема, ибо ни одна женщина не может ступить ногою в сей *рай целомудрия*». Более того, поскольку на горе было запрещено держать даже животных женского пола, аге запретили иметь корову.²⁹ Естественно, монастыри Афона были своего рода государством в государстве и отношения между греческими общинами и турецкой администрацией складывались далеко не всегда и не везде так, как на Афонской горе. Тем не менее во многих мононациональных греческих поселениях, в особенности удаленных от турецких гарнизонов, оттоманские наместники также старались особо не вмешиваться в жизненный уклад греков, следя лишь за исполнением

²⁹ Дашков Д.В. Афонская гора: Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году. Спб., 1824. С. 11.

последними всех причитающихся повинностей. «На всех архипелажских островах, где не живут турки, жители управляются сами собой и, заплатив годовую подать, весьма умеренную, пользуются всею возможною свободою и даже такую, что можно смело сказать, ни под каким другим самым кротким правлением нельзя иметь равной», - так описывал права и свободы архипелажских греков Броневский.³⁰ С началом освободительной революции 1821 года именно поселения, в которых греческое население было преобладающим, а власть турецких наместников, даже если таковыми являлись греки, - номинальной, превратились в центры борьбы с турецким игом. Вот как описывает происходившие в то время события Бронников, оказавшийся в самой гуще греческого восстания: «В Турции по всем островам, равно и на материковой земле, открылось такое возмущение или междоусобие, что в иных местах без всякой пощады турки резали греков, а в других - греки турок. Где более турок, там и власть их, а где усиливались греки, там истребляемы были турки».³¹

В условиях более тесного соприкосновения с турками, грекам приходилось в определенной мере подстраиваться под турецкие обычаи и перенимать некоторые внешние формы турецкой культуры. Отчасти это проявлялось в одежде и характере поведения. Коковцев, например, пишет, что греки «...подобно туркам, держат своих жен в затворничестве», что позволяет говорить об определенном турецком влиянии на жизненный уклад греков.³²

Коковцеву вторит и Броневский, так описывающий свои впечатления от посещения острова Тенедоса: «Здесьние греки, столь долго жившие с турками, приняли их обыкновения носить чалмы и, кажется, мыслят подобно

³⁰ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Часть 3. Спб., 1819. С. 10.

³¹ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 235-236.

³² Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 71.

чалмоносцам».³³ Однако он же отмечает, что, ободренные российским присутствием, греки достаточно быстро отказывались от подобных привычек. Таким образом, можно сделать вывод, что турецкое влияние во многом ограничивалось лишь внешними формами жизненного уклада, в то время как греческому населению в общем и целом удавалось сохранить свою национальную идентичность. Об этом свидетельствует и тот факт, что отношение греков к туркам и их приверженность православной вере оставались неизменными. Уже упоминавшийся выше Плещеев пишет, как был немало удивлен, когда во время его пребывания на Ближнем Востоке, «одетая по-турецки» представительница богатой семьи, общаясь с ним, вдруг выразила восторг по поводу успехов российского флота в Средиземном море. Однако, на его удивление, девушка, несмотря на свою внешность и свободное владение турецким языком, оказалась гречанкой, ненавидевшей турок. «Дай бог им (русскому флоту - Ф.Я.) столь благополучно продолжить удачные доселе свои завоевания, освободить из жестокого плена единоверных, а паче наших сестер, хуже скотов гнусными турками содержимых», - так гречанка реагировала на известия о русских победах.³⁴ Последний пример ярко демонстрирует, что православная вера и ненависть к туркам были важными факторами единения греков в этот период, несмотря даже на то, что необходимость приспособливаться к условиям османского ига, при котором каждая греческая община вырабатывала собственную модель адаптации, в определенной мере вела к разобщенности греков.

Наконец, немаловажным аспектом социальной адаптации греков было стремление добиться значительного положения в турецкой администрации. Сделать это можно было лишь путем занятия пусть не ключевых, но влиятельных постов в бюрократических структурах Османской империи

³³ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819. С. 25.

³⁴ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. Спб., 1773. С. 75.

либо достижения достаточно высокого социального положения. Посетивший в 1806-1807 гг. Грецию русский архитектор и художник Николай Алферов отмечает, что «богатые греки вообще просвещенны, оборотливы, хитры; они учатся языкам и всеми силами стараются занимать место врачей и переводчиков в домах знатных турок. Древние фамилии с великим усердием стараются присвоить титулы государственных толмачей Оттоманской Порты или опасное достоинство правителей Валахии или Молдавии».³⁵ Заняв влиятельные посты в Османской империи, некоторые греки даже становились своего рода агентами Порты в притеснении своего же собственного народа, эксплуатируя греческое население и собирая с него дань.

Добиться влияния на турецкую администрацию можно было и другим способом, через гаремы турецких вельмож. Броневский вспоминает, что многие родители на острове Хиос преследовали именно такие цели при воспитании своих дочерей. Он пишет, что многие даже среднего достатка семьи острова старались дать как можно лучшее образование своим дочерям, чтобы потом за довольно-таки значительные деньги продать их в гаремы турецких султанов и вельмож, где они почитались «наилучшим украшением». «Корыстолюбие родителей, конечно, непростительно, но желание при тягостной неволе иметь в зяте сильного покровителя некоторым образом их извиняет», - считает Броневский.³⁶

Но главным средством избавиться от угнетения и притеснений корыстолюбивых турецких чиновников были деньги. Поэтому греки старались любой ценой сколотить определенное состояние, которое бы могло стать гарантом их относительной независимости и свободы в условиях османского ига. Выше уже приводились примеры, как при уплате

³⁵ Алферов Н.Ф. Два письма русского путешественника. Вестник Европы. М., 1808. № 11. С. 191.

³⁶ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819. С. 82-83.

определенной мзды, зачастую не фиксированной, турецкие наместники разрешали грекам осуществлять православные обряды. За определенную плату грекам разрешалось вести и хозяйственную деятельность. Деньги также помогали решить многие проблемы, связанные ни с чем не оправданным произволом турецких властей.

Тем не менее для русских путешественников было весьма удивительным видеть, как предприимчивость греков зачастую перерастала в алчность и страсть к наживе любой ценой. Так, им было трудно понять, как, будучи союзниками русских в борьбе с турками, греки были не прочь на них подзаработать. Как можно было думать о прибыли, фактически продавая своих дочерей в турецкие гаремы. При этом практически все русские путешественники сходятся во мнении, что ради наживы многие греки были готовы забыть об этических нормах и не гнушались обманом. «У всех греков блистает еще то остроумие, которое прославило Платонов и Демосфенов, с тем только различием, что они употребляют на обман, притворство и лицемерие, - пишет Коковцев об Архипелажских греках. - Сребролюбие владычествует над сердцами их... Греки стараются сыскать оное обманом; ежели видят случаи воспользоваться прибытком, рады жертвовать блеску металла самыми лучшими друзьями и родственниками».³⁷

Впрочем, следует отметить, что русские путешественники, привыкшие к совершенно иным условиям жизни и мыслившие иными стандартами, при поверхностном знакомстве с греками едва ли могли до конца осознавать, что в большинстве случаев у греков редко оставался иной или, правильнее сказать, лучший выбор. Многие отрицательные стороны греческого характера на самом деле были ничем иным, как защитной реакцией на неблагоприятные условия турецкого ига. Например, что бы было с родителями, а возможно, и всем селеньем в случае отказа отдать понравившуюся девушку в гарем турецкого вельможи? Что было бы с

³⁷ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 70-71.

греками, которые не смогли бы в нужный момент найти деньги и заплатить турецким чиновникам? Более того, обман не был таким уж страшным злом, когда речь шла о взаимоотношениях с турецкими порабощателями. Поэтому в определенной мере многие моральные принципы, казавшиеся абсолютными для русских путешественников, были относительными для греков. Деньги не всегда воспринимались греками как ценность в себе, а были зачастую лишь важным способом достижения своих целей.

Яркой иллюстрацией субъективного восприятия русскими путешественниками греческих реалий могут служить приводимые двумя русскими путешественниками примеры, как греки зарабатывали деньги на том, что сдавали прихожанам за определенную плату построенные ими церкви. Для морского офицера Коробки такое попрание самих основ христианской морали, когда церковь становится объектом предпринимательской деятельности, представляется невыносимым: «Везде свои привычки и обычаи, которых не должно осуждать; но одному из здешних не много найдется подражателей... Впрочем, во всей Греции, следуя древнему обыкновению, церкви отдают в наем, и строитель пользуется доходом с оной без малейшего угрызения совести».³⁸ Паломник же Вешняков, отмечая, что подобная практика действительно имеет место, объясняет ее возникновение именно притеснением турецких властителей, налагавших огромные поборы за право исповедовать христианство. Хотя он и не исключает того, что в своей страсти к наживе греки перешли определенную меру: «Неограниченная корыстолюбивая Оттоманская власть довела великими поборами до того, что монастыри отдаются по необходимости на откуп, и что все духовные чины основываются на деньгах».³⁹

³⁸ Коробка Н.В. Письма морского офицера. Ч. 1. М., 1825–1826. С. 50.

³⁹ Вешняков И.И. Путевые записки во Святой Град Иерусалим и в окрестности оного в 1804 и 1805 год. М., 1813. С. 51.

Еще одним доказательством того, что деньги сами по себе имели лишь относительную ценность для греков, является их нелюбовь к роскоши, о чем говорят практически все русские путешественники. «Греки небольшие охотники до убранства домов и самая большая роскошь их состоит в коврах»,- пишет Свиньин.⁴⁰ Кстати, в любви греков к коврам также проявилось определенные черты социальной адаптации и влияния жизненного уклада турок. Даже когда грекам удавалось разбогатеть, они были не склонны вкладывать свои капиталы в предметы роскоши. Во многом это объясняется опять-таки угнетенным состоянием и чиновничьим произволом. Грекам не имело смысла выставлять свое богатство напоказ, когда оно в любой момент могло быть отобрано корыстолюбивым чиновником. «Зажиточные люди, дабы избежать притеснений корыстолюбивых турецких чиновников, особенно своих единоверцев, поневоле живут умеренно и стараются скрывать богатство»,- пишет Броневский.⁴¹ Он же отмечает, что это выработанное веками качество греков проявлялось даже тогда, когда не было ощутимой угрозы чиновничьего произвола. Так, греки Ионической республики, находившиеся под защитой русского флота и заработавшие за это время неплохие деньги в результате торговли и обслуживания русских военных, «по привычке ли к умеренности или по склонности к притворству кажутся по наружности бедными».⁴²

Необходимость приспособливаться к турецкому гнету обусловила и определенные особенности хозяйственной деятельности греков. В отличие от многих других стран сельское хозяйство для греков, хотя, безусловно, и являлось важнейшим видом деятельности, едва ли виделось как средство приумножения богатства. И, действительно, как можно было всерьез на что-либо рассчитывать, когда урожай мог пострадать в результате набега

⁴⁰ Свиньин П.П. Воспоминание на флоте. Ч. 1. СПб., 1918. С. 259.

⁴¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб., 1819. С. 142.

⁴² Там же. Ч. 2. СПб., 1819. С. 97.

турецких войск или быть конфискован турецкими чиновниками, в том числе и собственной знатью, находившейся на службе у Османской Порты, в качестве подати. В значительной мере это касалось и производства, основывать которое не было особого смысла. Вот как, например, описывает Грецию Коробка, сравнивая ее с посещенной им перед этим Англией: «Англия и Греция в отношении просвещения, богатства и общественного порядка находятся в антиподах. В первой при суровом климате, вечном тумане и земле небогатой в произведениях, сделано все, что могут промышленность, искусство и трудолюбие; в последней земля изобильнейшая во всех отношениях оставлена почти в диком первобытном ее состоянии».⁴³

Броневский пишет, что земледелием всерьез занимались лишь греки в Малой Азии, в то время как жители материковой Греции и островов из-за политической нестабильности и притеснений «мало успевают в земледелии».⁴⁴ Не исключено, что в Малой Азии, ближе к центру Османской империи, было больше порядка и меньше произвола чиновников, что делало труд греческих земледельцев не таким уж и бессмысленным. Возможно, у них был не такой уж и большой выбор. Что же касается жителей островов, то выгодное географическое положение на основных маршрутах средиземноморской торговли предлагало весьма прибыльный род занятий.

Сочетание турецкого ига, географического положения и предпринимательского духа поневоле сделало греков капиталистами-торговцами. Торговля позволяла держать капитал в постоянном обращении, тем самым делая его в определенной мере недоступным для поборов. Греки были основными торговцами в Османской империи и занимали ведущие позиции на торговых путях Средиземного и Черного морей. «Торговля

⁴³ Коробка Н.В. Письма морского офицера. Ч.1. М., 1825-1826. С. 50.

⁴⁴ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819. С. 143.

обширных областей Турецкой империи обращается через руки Константинопольских и Архипелажских греков», - вспоминал Броневский.⁴⁵

Русские путешественники отмечали, что греки были весьма искусные мореходы и кораблестроители. Торговля позволила многим грекам сколотить состояние и создать достаточно сильный флот - оба фактора сыграли немалую роль в ходе Греческой освободительной революции. В процессе осуществления своих торговых операций греки также расширяли свои контакты в Европе и свой кругозор. Описывая греческий архипелаг, Коковцев отмечает, что жители именно тех островов, которые вели активную торговлю с другими странами, были наиболее просвещенными и образованными: «Островитяне, которые кажутся быть просвещенными, обязаны сим сообщению с европейцами, приезжающими для торговли».⁴⁶ Среди наиболее просвещенных островов путешественник называет Тинос, Сирос, Миконос, Наксос и Патмос, «благоденствовавших под державой ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ с 1771 по 1773 год».⁴⁷

У греков торговля не была уделом исключительно небольшой группы богатых купцов. Напротив, пробовали свои силы на этом привлекательном, но далеко не всегда безопасном поприще и многие простые греки, которые в складчину формировали начальный капитал для строительства судна и начала торговой деятельности. Вот как Броневский описывает жителей острова Идра, который вел весьма активную торговлю:

В правилах торговли Идриотов замечательно то, что каждый матрос и даже мальчик служит без жалованья, но по месту, им занимаемому, получает известную часть в грузе. Иногда матросы складываются, строят судно, выбирают капитана и на общий капитал покупают груз. Таким образом, имея в корабле и грузе свою собственность и будучи большей частью ближайшими родственниками, в барышах и убытках каждый

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 70.

⁴⁷ Там же. С. 69.

равное принимает участие, отчего и должность воспринимается с большим рвением.⁴⁸

Безусловно, совместное ведение хозяйственной деятельности в виде долевого участия в операциях того или иного предприятия способствовало формированию клановой структуры греческого общества, которое было связано далеко не всегда исключительно родственными узами, но и экономическими интересами. Немаловажным результатом подобного рода хозяйственной деятельности была и социальная мобильность греческого общества. Начиная простым матросом без жалования, в случае коммерческого успеха грек мог в будущем превратиться в богатого торговца. Подобная социальная мобильность неизбежно порождала и другое качество греков – их демократизм, что отмечают большинство российских путешественников. Тем более что в условиях турецкого ига наличие четко структурированных групп с устойчивым социальным статусом, определявшим положение человека в обществе, могло быть только чисто формальным: несмотря на различия в материальном состоянии, угнетенность большей части греков делала их во многом равными. Угнетенными в равной степени мог быть богач и бедняк, священнослужитель и простой крестьянин или торговец, ученый муж и темный простолюдин. Причем характерно, что демократизм был в определенной степени свойственен даже церкви. «Архиерея, даже самого патриарха, нельзя отличить от простого монаха, когда они не в облачении: знаки отличия запрещены», - вспоминает Вешняков.⁴⁹ Греческая знать, добившаяся своего положения благодаря сотрудничеству с турецкими властями, едва ли могла пользоваться уважением греков. Поэтому реальными лидерами нации постепенно становились люди, уважение к которым было основано на их личных

⁴⁸ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819. С. 143.

⁴⁹ Вешняков И.И. Путевые записки во Святый Град Иерусалим и в окрестности оного в 1804 и 1805 год. М., 1813. С. 51.

талантах, успехах и достижениях. Суммируя свои впечатления от посещения различных частей Греции, Броневский так отзывается об этой характерной черте греков:

К преимуществам сана совсем не чувствительны. Хотя при встрече с иностранцем они и именуют себя титулами древнейших фамилий, но сии Палеологи, Комнины и Ласкариссы, первые чиновники на островах, архонты и проестосы и т.п., не имея никаких прав дворянства, пользуясь только уважением личного достоинства, обращаются с последним работником как себе равным, подобно ему трудятся в поле или в тесной лавочке продают мелочные вещи. Вся разность состоит в том, что богатый, нанимая поденщиков, оставляет себе легкое упражнение и не считает за стыд трудиться для себя.⁵⁰

Эти люди станут во главе греческой нации во время освободительной революции 1821 года и возглавят как борьбу против турок, так и социальную борьбу греков против угнетения сотрудничавшей с турецкими правителями греческой верхушки. Демократизм греков, сумевших сохранить свое национальное самосознание на протяжении нескольких веков турецкого ига, станет тем объединяющим началом, которое позволит сплотиться нации. Традиционные же связи с Россией и совпадение интересов в борьбе с Оттоманской империей в итоге приведут к созданию современного независимого греческого государства.

⁵⁰ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819. С. 142.

ГЛАВА 2. РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГРЕЦИИ С МОМЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА ДО НАЧАЛА 20 ВЕКА

§1. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА ГРЕКОВ

После обретения независимости в результате революции 1821 года Греция вступила в новую полосу своей истории. Разбросанным по многочисленным островам, разделенным плохими дорогами и неразвитой инфраструктурой, раздираемым многочисленными противоречиями и межклановой враждой грекам предстояло вступить на долгий и сложный путь строительства единого национального государства, определения своих внешне- и внутривосточных ориентиров и формирования нового греческого образа и самосознания. Долгое время жившие под гнетом турецкого ига и наконец обретшие долгожданную свободу и национальную независимость, греки вынуждены были решать непростые задачи построения нового жизненного уклада, урегулирования внутренних проблем и выстраивания отношений с окружающим их миром. При этом значительная часть греческого населения по-прежнему оставалась за пределами национального государства. Начиная с этого времени греческая история как бы распадается на две части: с одной стороны, это история национального государства Греция, с другой стороны, история многочисленной греческой диаспоры, которая во многом обращала свои взгляды на новое государство либо в надежде на скорое воссоединение, либо в ожидании возрождения самобытной национальной культуры.

Романтика национально-освободительной революционной борьбы и формирования национального государства на территории, являвшейся колыбелью европейской цивилизации, постоянно привлекала восторженные взгляды многочисленной армии симпатизирующих грекам во всех европейских странах. Не случайно по всей Европе возникают филэллинские

общества, ставящие своей целью всемерно способствовать становлению греческой государственности, развитию ее институтов и возрождению исторических памятников Древней Эллады.⁵¹ Геополитическое положение Греции, являвшейся европейскими воротами в Азию, делает новое государство объектом пристального внимания сильнейших европейских держав, таких как Россия, Англия и Франция, в восточной политике которых все сильнее проявляется греческое направление. Наконец, Греция все в большей мере становится объектом внимания путешественников, которые устремляются сюда, кто - в надежде воочию увидеть остатки былой славы этой страны, кто - желая получить заряд творческого вдохновения, кто - в силу торговых интересов, кто - в поисках приключений, а кто - из простого любопытства. Не составили исключения и русские путешественники.

При этом характер описания Греции русскими путешественниками в некоторой мере претерпевает изменение по сравнению с концом 18 и началом 19 веков, что было во многом связано с целями посещения страны. Если раньше в основном встречаются воспоминания военных, участвовавших в боевых действиях против турок, и людей, посещавших Грецию с духовно-религиозными целями, то русский путешественник в Грецию в 19 веке - это в основном светское гражданское лицо. Соответственно и в описаниях большее место занимают светские сюжеты, связанные с нравами и обычаями греков, их бытом, повседневной жизнью, памятниками старины. В целом рассматриваемый период можно условно разделить на два подпериода. Первый, охватывающий первую половину 19 века, характеризуется сохраняющимся достаточно сильным влиянием России на политическую жизнь Греции. Во второй же половине 19 века это влияние начинает заметно ослабевать, что в определенной мере сказалось и на отношении греков к русским и России.

⁵¹ О филэллизме в России см.: Мисюревич О.Е., «Восстань, о Греция, восстань!» Рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998.

Описания Греции русскими путешественниками, посетившими ее вскоре после окончания национально-освободительной революции, представляют взору читателя скорее разбитый сосуд, представленный множеством осколков и требующий бережной руки археолога, нежели единое цельное государство. Разобщенные и привыкшие к общению с самыми разными народами то ли в силу своей торговой и хозяйственной деятельности, то ли в силу полученного за границей образования, греки сильно отличались друг от друга и порой производили впечатления родственных этнических групп, нежели единого народа. Не случайно, описывая свое пребывание в Греции в 1830-1831 гг. в качестве переводчика при российском флоте, Константин Базили называет греков «племенами», представленными выходцами разных островов, нежели единой нацией. Характерно, что эти «племена» в значительной мере стремились сохранить свою идентичность, всячески противодействуя ассимиляции с другими представителями греческого населения.

Воспоминания Базили о выходцах с острова Ипсара, переселившихся на остров Эгина, является, пожалуй, одним из наиболее красочных тому подтверждений. Автор отмечает, что даже переселившись на другой остров, ипсариоты «имеют свои училища, своих Демогеронтов (старшин), и тщательно сохраняют свою народность, свой прежний быт и живописный костюм своих жен».⁵² «Даже по потере родного острова ипсариоты еще более дорожат сохранением родных обычаев. Рассеянные среди греческих племен, они более всего боятся потеряться между ними».⁵³ Чем можно объяснить такое отношение греков друг к другу? По-видимому, давняя привычка проживания замкнутой общиной для достижения своих целей и обеспечения своих жизненных интересов, неоформленность молодого греческого государства, а также веками сложившаяся традиция противостоять турецкой

⁵² Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 129.

⁵³ Там же. С. 130.

ассимиляции играли далеко не последнюю роль. Подобная разобщенность греков еще раз доказывает сложность задачи строительства единого национального государства. Играла свою роль и географическая разобщенность греков, которая сильно препятствовала установлению контактов друг с другом. Так, Базили отмечает, что «ионийцев (население Ионических островов – Ф.Я.) греки привыкли почитать чужими своей родине, кроме тех, кои с самого начала народной войны приняли в ней непосредственное участие».⁵⁴

Примеры ипсариотов или ионийцев являются лишь частным подтверждением той степени разобщенности греков, которая была характерна для начального этапа создания греческого государства. Однако даже в рамках единой островной культуры между представителями греческого этноса наблюдались немалые различия. Описывая свои впечатления от острова Сирос, Базили, в частности, отмечает:

В толпе, составляющей народонаселение Сиры, не ищите никакого характера народного. Город, основанный случаем, соединяет в себе разнородные образцы племен, которые от времени Пеласгов, Дориан и Ионян и до возрождения Греции никогда не смогли слиться в однородную массу, сохраняя первобытные черты и во времена нашествий готтов, славян и каталанов, и под владычеством Турции; хотя владычество сих последних, тяготея одинаково над всею массою народа, долженствовало, кажется, дать ей новую и однородную форму.⁵⁵

И далее добавляет:

Торгующая толпа Сиры чрезвычайно разнообразна. Она силится переродиться в европейский быт, но беспрестанно попадаются нам румельоты в широких *фустанелах* (широкая юбка – Ф.Я.), островитяне в широких шароварах, азиаты в широких шароварах и чалмах, египтяне в широких плащах в виде капюшонов. В ином углу чудной мозаики вас приветствует смиренный капуцин из верхнего города.⁵⁶

⁵⁴ Там же. Ч. 2. Спб., 1834. С. 104.

⁵⁵ Там же. С. 25.

⁵⁶ Там же. С. 29.

В этом смысле Сира являлась как бы микрокосмом всего греческого общества, которое было столь же неоднородно и впитало в себя невообразимое множество различных культур, стилей и мод. Это было особенно заметно в греческой столице, располагавшейся в то время в городе Навплии. Навплия воплотила в себе все противоречия и несуразности переходного периода в истории Греции:

Моральное состояние греческой столицы представляет такую же пестроту, как и самый город. Здесь найдете много образованных в Европе молодых людей, служащих в министерствах, и еще более безграмотных генералов, пребывающих в азиатском быту; много горячих голов, досадующих, что прошла пора революций, и много офицеров регулярных полков, совершенно преданных правительству; много женщин, свято сохраняющих костюм своих матерей и восточную строгость в обращении, и несколько дам, которые как феномены блещут парижским воспитанием и простирают до нельзя свободу европейского обращения.⁵⁷

Описывая же греческий сенат, Базили пишет:

Место бывших прежде сеймов, совещательных корпусов и пр. занимал уже два года греческий сенат, состоявший из 27 членов. В нем заседали известнейшие лица всех частей Греции. Но сей сенат никак не мог напомнить, по крайней мере наружными формами, ни совета амфиктионов древней Греции, ни собрания царей в Риме. В сенате была оригинальная смесь костюмов: старинный турецкий *бениш*, архипелажский *шаровар*, румельотская *фустанела* во сто аршин ширины, албанская *чалма* на бритой голове, немецкий *фрак*, венецианский *полуплац* – моды двадцати веков и двадцати народов случайно сошлись в столь малочисленном собрании.⁵⁸

Вполне естественно, что в этих условиях едва ли можно говорить о некой единой самоидентификации всего греческого населения,

⁵⁷ Там же. Ч. 2. Спб., 1834. С. 8.

⁵⁸ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 17–18.

проживавшего на территории нового национального государства. Некий Лип-рт отмечал вскоре после образования независимого государства:

Целая половина эллинов и все ромайцы ныне забыли свое греческое происхождение и считают себя албанцами; но другое поколение эллинов, напротив, твердо уверено в том, что происходит по прямой линии от племен, поселявших Грецию со времени фивской и троянской войн до императора Юстиниана и никак не соглашается с теми, которые утверждают, будто предки его были анатолийские колонисты, а язык его – испорченный остаток языка древнегреческого.⁵⁹

Что же в этом случае объединяло этих людей, столь разных и подчас даже чуждых друг другу, зачастую раздираемых кровавыми междоусобными столкновениями?

Можно выделить несколько главных объединяющих начал, которые цементировали греческое общество на начальных этапах становления национального государства и послужили в дальнейшем основой формирования греческой нации. Во-первых, в основе объединения лежала языковая общность жителей множества греческих островов и местностей и своеобразная национальная культура. Несмотря на то что зачастую представители политической элиты, получившие образование за границей, и испытывали определенные трудности с переходом на греческий язык, постепенно национальные культурные традиции брали верх. «Я видел в Греции много молодых людей, возвратившихся из Европы, где они воспитывались во время революции. <...> Многие должны отказаться и от своего платья и вновь одеться в национальное. Родители гневно выражают свое недовольство, видя в своих детях капризных иностранцев, иногда потерявших и родной язык и родную привязанность к религии», – вспоминал Базили.⁶⁰

⁵⁹ Лип-рт К. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 15.

⁶⁰ Там же. Ч. 1. Спб., 1834. С. 113.

Уже в первые годы после революции весьма активно шло формирование новогреческого языка, вырабатывалась его литературная норма, что стало немаловажным фактором единения греков. «В последнее время новогреческий язык сделал быстрые успехи», - отмечал в начале 1840-х гг. Лип-рт.⁶¹

Национальному единению греческого населения способствовало и осознание себя потомками древних эллинов и попытки возродить наследие Древней Эллады. Не последнюю роль в этом сыграло европейское просвещение, идеи которого постепенно в большей или меньшей мере стали проникать в широкие слои греческого общества. В частности, именно такого рода идеи, способствовавшие национальной консолидации, активно исповедовались интеллектуалами-западниками в противовес церковно-традиционалистской доктрине, рассматривавшей греков как ромеев - потомков Византийской империи. Все без исключения российские путешественники отмечают огромные усилия, которые предпринимались греками для сохранения и восстановления памятников старины, несмотря даже на довольно-таки сложное финансовое состояние государства. Среди греков вошло в моду называть своих детей именами видных древнегреческих государственных деятелей, литераторов и философов, хотя еще несколько десятилетий назад подавляющая часть греческого населения, в основном ориентированного на свою узкую общину или клан, едва ли имела какое-либо понятие о героях и достижениях древней Эллады.⁶² «Молодые люди одушевлены духом прошедших времен и подвигами великих людей, именами которых многие и ныне называются, - отмечал русский художник Иван

⁶¹ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 31.

⁶² Характерный пример приводит Шатобриан, описывая, как в 1806 г. образованный афинянин, знавший итальянский язык, имел представление об историческом сражении древних греков с персами у острова Саламин (5 в. до н.э.) лишь в общих чертах, да и то со слов французского консула. Грек также оказался незнаком со многими древними памятниками в пределах Афин, которыми интересовался путешественник, а всеми своими познаниями о Древней Греции был обязан именно французскому консулу, с которым он дружил. См.: Μουλλάς Π. Ρομαντικοί προσκυνητές: Chateaubriand (1806) και Lamartine (1832). - Περιηγήσεις στον ελληνικό χώρο. Αθήνα, 1968. Σ. 80.

Захаров, посетивший с группой других российских живописцев Грецию в 1849-1850 гг. – Я знал многих Периклов, Платонов, Сократов и проч.». ⁶³ Причем мода называть своих детей прославленными древнегреческими именами распространилась на самые простые слои общества. Описывая свое впечатление от посещения Афин в 1850-х гг., литературовед Александр Милюков был немало удивлен, когда увидел, как «на вывесках славные имена древности сталкиваются с предметами самого обыденного быта: там Фемистокл работает башмаки, здесь Эпаминонд печет белые хлеба, а там Анаксагор подписал свое имя под большими золочеными ножницами. В одной улице я встретил табачную лавку какого-то Диогена». ⁶⁴ Характерно, что обращение к древности в целях сохранения своей национальной идентичности было характерно и для греков, по-прежнему проживавших на территории Османской империи. Посетивший европейскую часть Турции в конце 1840-х гг. исследователь-славянист Виктор Григорович пишет, что в греческих учебных заведениях главное внимание уделялось прежде всего изучению древнегреческого языка и древних авторов. «Круг учения греческих училищ достаточно обширен, но, если принять во внимание назначение юношей, односторонен. Гораздо больше внимания уделяют они изучению древнего греческого языка и переводу разных отрывков древних писателей, чем таким наукам, которые соответствовали бы их назначению», - отмечает он. ⁶⁵ И хотя автор критически оценивает такой подход к образованию, приведенный им пример достаточно ярко характеризует национальные чувства греков, живших по-прежнему под турецким игом и являвшихся неотъемлемой частью греческой нации, находившейся в процессе становления.

⁶³ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 71.

⁶⁴ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 67.

⁶⁵ Григорович В.И. Очерк ученого путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 198.

Развивалась и национальная греческая культура. Несмотря на долгие годы турецкого ига, коренные греки в значительной степени сохранили многие черты уклада и особенности народной культуры и не спешили перенимать модные иностранные веяния. Особенно характерно это проявилось на бытовом уровне в ежедневной жизни греческих низов. Так, Лип-рт писал, что «собственно танцы можно увидеть в Греции только на франкских балах; туземцам же, за исключением Фанариотов (греческие чиновники Оттоманской Порты - Ф.Я.), они, по-видимому, не нравятся. Греческие *па* простые, но разнообразные, обыкновенно очень занимают собою присутствующих».⁶⁶ Захаров отмечал, что среди греков даже считалось особым достоинством подчеркнуть свою приверженность национальной культуре: «Надо отдать справедливость грекам, их привязанности к своему, народному; для грека нет блага выше, как уметь удачно выказать свою национальность в песнях, плясках, перед публикою, в особенности перед женщинами, которые со своей стороны неравнодушны к национальным обычаям и оценивают по достоинству особенно отличившегося преданностью к родине».⁶⁷

Даже при формировании национальной армии, опираясь во многом на передовой иностранный опыт, греки попытались подчеркнуть свою национальную самобытность. «Артиллерия и два первые батальона были обмундированы совершенно по-европейски, но образцовый и 3-й и 4-й линейные при регулярном обмундировании сохранили свою народную фустанелу и феску (национальный головной убор – Ф.Я.)», - отмечал Базили.⁶⁸

⁶⁶ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 20.

⁶⁷ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 71.

⁶⁸ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 15.

Важным фактором было и осознание многими греками, по-прежнему проживавшими в Османской империи, молодого греческого государства как своей исторической родины, которая в трудную минуту могла бы стать им убежищем от притеснений. Помимо уже приводившегося выше примера ипсариотов, обретших свой новый дом на Эгине, Базили описывает как первый президент граф Иоаннис Каподистрия в 1830 году «вызвал» в Грецию борющихся с Турками жителей Кандии (о.Крит), «обещая им убежище и покровительство в независимой Греции». Правительство предоставило кандиотам земли, ввело специальную пошлину на ввозимые товары и начало сбор средств для помощи им. Причем «из 20000 фениксов, собранных в продолжение первых трех месяцев, пятая часть была пожертвована русскими». ⁶⁹

Греческое государство способствовало и поддержанию греческого образования среди соотечественников, живших за пределами национального государства. Некий российский дипломат С.Н., возможно русский консул в Константинополе Новиков, ⁷⁰ вспоминает, как в 1830-е гг. группа греков-юношей Сирии обратились через греческое посольство в Константинополе с просьбой выслать греческие книги, поскольку они не понимали греческого языка. Спустя несколько месяцев после того, как король Оттон распорядился отправить несколько ящиков книг в Каппадокию, он получил «благодарственное письмо на греческом языке и с греческими подписями имен тех самых юношей, которые на первом просительном письме подписались по-арабски». ⁷¹ Таким образом, национальное государство способствовало распространению греческого литературного языка за его пределами, выступая в роли поборника культурной экспансии эллинизма среди греческого населения других стран.

⁶⁹ Там же. Ч. 1. Спб., 1834. С. 168-170.

⁷⁰ См.: Theofanis G. Stavrou and Peter R. Weisensel, *Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century* (Columbus, Oh.: Slavica Publishers, Inc., 1985), 333-334, 351.

⁷¹ С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 78.

Данные примеры были далеко не единичными. Они положили начало активной помощи греческого государства своим соплеменникам, находившимися по-прежнему под турецким игом. Одним из наиболее ярких примеров такой помощи в дальнейшем станет значительная поддержка национально-освободительной борьбы греков в ходе критских восстаний, причем характерно, что оказываться она будет не только греками, проживавшими в самой Греции, но и представителями греческой диаспоры в других европейских странах, в том числе и России. Следует также отметить, что именно в 1840-е гг. зарождается и выкристаллизовывается идея освобождения греческого населения от турецкого ига и воссоединения греческих земель в едином национальном государстве, а впоследствии она распространяется в самых широких кругах греческого населения. «Теперь нам нужно, чтобы была всеобщая война в Европе, и тогда, если нас оставят прочие державы, мы можем напасть на Турцию и овладеть ею», - приводит слова одного из греческих военных, достаточно характерно отражавшие общественные настроения своего времени, дипломат В. Орлов-Давыдов.⁷² Идея воссоединения греческих земель, получившая название Великой Идеи, с начала 1840-х гг. и вплоть до третьего десятилетия 20 века станет определяющим фактором греческой внешней, а во многом и внутренней политики. Она будет способствовать дальнейшей консолидации греческого общества.

Наконец, важную роль в процессе становления греческого государства играла и общая православная религия, которую теперь можно было беспрепятственно исповедовать. Религия сыграла объединяющую роль в борьбе греков за независимость. Орлов-Давыдов вспоминает, как в одной из бедных сельских церквей Пелопоннеса ему довелось увидеть наклеенные на стенах тексты патриотических песен. «Эта церковь изображает лучше всех длинных описаний чувства греков к их религии. Они сражались за нее и

⁷² Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 108.

потому украшают церковь своими трофеями, т.е. национальными песнями», - писал путешественник.⁷³

Греки ревностно охраняли свои религиозные верования, даже когда гонения на веру со стороны османских властей, казалось бы, ушли в прошлое. В частности, подозрения греков вызывали всевозможные западные библейские общества, которые ставили своей целью развитие начального и среднего образования. Вот как, например, Базили описывает отношение коренного населения к американскому библейскому обществу, развернувшему свою деятельность на острове Сира: «Его миссионеры приносили большие денежные пособия, строили большие здания и следовали прекрасной методе преподавания; но сия ревность возбуждала во многих из жителей подозрения, нет ли тайного замысла против религии. И хотя пользовались они покровительством президента, но находили сильное сопротивление в опасениях сириотов (жителей острова Сира – Ф.Я.) препоручать воспитание детей иноверцам».⁷⁴

Однако, анализируя отношения греков к церкви, русские путешественники немало были удивлены прагматизмом греков и отсутствием столь характерного для России религиозного пиетета. Практически все без исключения отмечают крайнюю бедность греческих православных церквей. Более того, даже эти небогатые церкви подчас становились объектом разграбления самих греков, значительное число которых с трудом переходило к мирной жизни и промышляло исключительно разбоем после окончания революционных боев. Базили пишет, что такие случаи, в частности, были достаточно характерны для части жителей Пелопоннеса - маниотов, называемых автором майнотами: «При всем их суеверном благоговении к святыне храмов, бывали случаи, в которых майноты не могли устоять против искушения перед богатыми

⁷³ Там же. С. 100.

⁷⁴ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Часть 1. Спб., 1834. С. 33-34.

украшениями икон. <...> Майноты нередко брали из церквей драгоценности, уверяя, что это делали они единственно для того, чтобы предохранить святыню от святотатства иноверцев».⁷⁵ Орлов-Давыдов, описывая свое посещение Смирны, отмечает, что «здешние греки не находят никаких светских выгод в поддержании своей веры и поэтому к ней весьма слабо привержены».⁷⁶ Наконец, Лип-рт считал, что одним из главных недостатков становившейся на ноги греческой системы образования было недостаточное внимание, уделяемое богословию: «...В элементарных греческих школах почти повсюду прекрасно учат читать, писать, арифметике, географии и истории, но что религиозное обучение - обучение, долженствующее быть основанием всякого воспитания, - преподается в них не вполне удовлетворительно. Нынешние преподаватели в Греции, по большей части, не могут достаточно изъяснить своим питомцам всю важность влияния религии на жизнь человеческую».⁷⁷ Чем же все-таки было вызвано такое восприятие российских путешественников отношения греков к их религии и в какой мере подобные комментарии действительно отражают религиозные чувства эллинов?

Представляется, что в своих оценках русские путешественники исходили прежде всего из своих собственных представлений о месте и роли религии в жизни общества. Если в России православная церковь была весьма влиятельным государственным институтом, роль которого в общественной жизни определялась вековыми традициями, то в молодом греческом государстве православная церковь была в значительной мере связующим духовным звеном между разрозненными греками, в то время как ее институциональное влияние было намного слабее. Уже в первые годы после революции со всей очевидностью проявилось стремление светского государства ограничить вмешательство церкви в общественно-политические

⁷⁵ Там же. Часть 2. Спб., 1834. С. 122.

⁷⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 2. Спб., 1840. С. 12.

⁷⁷ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 31.

процессы, что отражало модернистские и секуляризаторские настроения правящих кругов Греции. В 1833 году регентом Георгом-Людвигом Маурером, баварцем по происхождению, правившим Грецией в силу несовершеннолетия короля Оттона, была провозглашена независимость греческой церкви от Константинопольской Вселенской патриархии без ведома и участия в этом решении последней. Естественно, что этот прецедент на протяжении

долгих лет наносил удар по престижу Константинопольской патриархии, которая уже не отрицала автокефальность греческой православной церкви, но возражала против способов и методов ее достижения. В результате церковных трений в 1850 году греческая церковь подала заявление Экуменической патриархии, которая вынуждена была формально признать независимость греческой церкви. Через два года греческим парламентом был принят уставный закон греческой церкви, согласно которому светская власть не вмешивалась в дела церковные и оба института определяли свою политику вне зависимости друг от друга.⁷⁸

Воспоминания русских путешественников достаточно отчетливо показывают, что в определенной мере подобные тенденции отражали и настроения масс. Тем более, как уже отмечалось ранее, стремление к роскоши не было характерно для греков, в том числе и в религиозных вопросах, поэтому многие из них считали более естественным вкладывать капиталы не в украшение и обогащение церквей, а в более прибыльные предприятия. Наконец, греческое духовенство, многие представители которого пребывали «в самом глубоком невежестве»,⁷⁹ едва ли могло стать той движущей силой, которая бы обеспечила поступательное развитие греческого государства. Иными словами, греки оставались весьма

⁷⁸ Σπ. Β. Μαρκεζίνης. Πολιτική Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδος 1828-1964. Τόμος Πρώτος. Αθήνα, 1966. Σ. 197; Κ. Παπαρρηγόπουλου. Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Βιβλίου 16ου. Έκδοση 6η. Αθήνα, 1932. Σ. 284-285.

⁷⁹ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1934. С. 33-34.

приверженными православием, однако оставляли за ним исключительно духовно-религиозные функции.

Удивление русских путешественников вызывало и отношение греков к сельскохозяйственным работам. В отличие от России, где земледелие было основой хозяйственной жизни, греческое население неохотно занималось возделыванием земли. Это явление не было новым – русские путешественники наблюдали его и во времена турецкого ига. Однако избавление от османского гнета и связанных с ним притеснений отнюдь не привело греков к активному стремлению возделывать землю, за которую они пролили столько крови. Русские путешественники склонны были усматривать в этом как объективные, так и субъективные причины. Так, Базили считал, что в основе пренебрежительного отношения греков к земледельческим работам лежала прежде всего природная склонность к лени. Описывая остров Порос, он отмечает, что «роскошь природы внушает пориотам ленивое бесстрашие. Отцы семейств и молодые люди убивают целый день на игру в бильярд и карты». И далее добавляет: «Домашние и почти все полевые работы вверены женскому полу».⁸⁰ Ему вторит Орлов-Давыдов, утверждая, что грек «гнушается пашнею, как каторгою, и предоставляет ее самому бедному из своих соотечественников. Пастушеская жизнь была тогда (в прошлые века – Ф.Я.), как и теперь, почетнее, оттого что в ней меньше труда».⁸¹

Отмечая нежелание греков возделывать землю, русские путешественники, однако, видят в этом и объективные причины. Так, некоторые путешественники, симпатизировавшие грекам, склонны были винить во всем турок и видели главную причину упадка земледелия в тяжелом наследии турецкого ига. «Есть и еще причина упадка в ней (Греции – Ф.Я.) земледелия, заключающаяся в ее недавно минувшем положении под властью турок, поощрявшими всюду своими законами бесправность, а

⁸⁰ Там же. С. 83.

⁸¹ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 153.

своими примерами призрение к мирным оседлым занятиям и в особенности к полевым работам», - отмечал русский дипломат.⁸² Орлов-Давыдов считал, что по окончании национально-освободительной борьбы у греков оказалось земли «гораздо более, чем сколько может обработать». «При виде этой мертвой тишины, невольно заключаешь, что при турках здесь было более жизни», - добавляет путешественник.⁸³ Другим немаловажным фактором было и то, что до присоединения плодородных Фессалии и Эпира в начале 1880-х гг. почвы в Греции были плохие и земледелие не могло служить стабильным источником дохода, особенно в случае неурожайного года. «Хлебопашеством занимаются очень немногие и то для домашнего обихода. Да и трудно бы было заниматься хлебопашеством, потому что по всей Греции почва земли каменистая и гористая», - своими наблюдениями с читателями делится Захаров.⁸⁴ Дипломат С.Н. даже приводит примеры, как на Ионических островах помещикам в неурожайный год было нечего отбирать у крестьян, а среди последних, в свою очередь, «даже иной радовался, когда его сажали в тюрьму на казенное содержание».⁸⁵

Однако подавляющее большинство путешественников едины во мнении, что греки, для которых и в годы турецкого ига был характерен дух предпринимательства, не занимались активно сельским хозяйством во многом потому, что другие виды деятельности, прежде всего судоходство, предлагали большие возможности, нежели возделывание земли. Описывая свое впечатление от посещения Пелопоннеса, Орлов-Давыдов, в частности, отмечал: «Морея, находясь между самыми плодородными землями в мире - Италией и Малой Азией, - может посредством свободного сообщения с ними гораздо легче и дешевле приобретать их произведения, чем возделывать

⁸² С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 75.

⁸³ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 146.

⁸⁴ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 82.

⁸⁵ С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 169.

свою собственную почву. Таким образом, кажется, будто каждая часть полуострова, выходящая в море, оттянута от общего центра в противную сторону».⁸⁶ Естественно, особенности географии Греции, которые оказывали большое влияние на хозяйственную деятельность греков, также способствовали разобщенности греческого населения и препятствовали установлению контактов между ними.

Путешественники также отмечали, что, если сельское хозяйство в определенной степени пришло в упадок после ухода с греческих земель турок, то торговля, напротив, лишь набирала обороты. Это было вполне объяснимо: греки были искусными судостроителями и моряками, а небольшое судно было по карману даже весьма небогатым жителям островов и прибрежной части материка. При этом доходы от торговли во много раз и достаточно быстро могли превзойти все вложения. Дипломат С.Н. пишет об острове Сира, одном из наиболее активных центров греческой торговли в то время:

Из здешних нет почти ни одного порядочного матроса, не только что шкипера, который бы в течение нескольких лет мореплавания не скопил настолько деньжонок, чтобы построить, в компании со своими родными и друзьями, хоть маленькое судно. Правда, случается иногда, что такое судно сделает всего-навсего один дальний путь, а если два или три – то это уже много! Нужды нет: оно окупится хозяину и даже принесет хороший барыш за труды.⁸⁷

Очевидные выгоды торговой деятельности по сравнению со всеми другими видами хозяйствования способствовали тому, что именно судоходство, в котором была занята существенная часть греческого населения, стало одной из основ экономики Греции. Характерным описанием страсти греков к мореплаванию могут служить воспоминания художника Захарова:

⁸⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 1. Спб., 1839. С. 151.

⁸⁷ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. Спб., 1869. С. 133.

Вся промышленность греков заключается в судоходстве. Греция имеет, как мне рассказывали, шесть тысяч больших купеческих судов и пятьдесят тысяч моряков, таких, каких лучше быть не может на земном шаре. Сколько раз мне случилось видеть в Пирее, как несется по волнам маленькая лодочка с одним парусом, прибывшая по морю за пятьдесят верст и более, и на самом конце боковой реи сидит отважный мореход и еще управляет парусом. Однажды, когда Нельсон (английский адмирал – Ф.Я.) со своей эскадрой был в Средиземном море, с адмиральского корабля заметили что-то мелькавшее в море и приближавшееся к кораблю. Сначала не могли понять, что бы это могло быть; наконец рассмотрели лодочку и в ней человека. Тотчас приказано было послать шлюпку, чтобы спасти человека, в той уверенности, что эта лодочка с какого-нибудь корабля. Когда лодку привели к кораблю, адмирал увидел, что она нагружена фруктами, и в ней только один человек – грек. На вопрос, с какого он корабля и где погиб корабль, грек отвечал, что он не был ни на каком корабле, а едет из Греции в Мальту продавать фрукты. Это так поразило Нельсона, что он тотчас же купил все фрукты и лодку и приказал поднять ее на корабль вместе с греком, которого потом доставил в отечество. Для греков море – родная стихия, без которой они жить не могут. Плавают они удивительно.⁸⁸

Таким образом, с самого начала формирования греческого государства земледелие как род хозяйственной деятельности играло хоть и существенную, но все же ограниченную роль в экономике страны, а значительная часть населения была более склонна заниматься торговлей, предпринимательством и судоходством. Даже наиболее перспективные отрасли греческого сельского хозяйства, как производство маслин или виноградарство, были достаточно тесно связаны с производством и торговлей. «Возделывание масла и вина относится уже более к области промышленности, чем земледелия», - писал дипломат С.Н., добавляя, что именно производство оливок «по количеству не только внутреннего

⁸⁸ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 82.

потребления, но и заграничного сбыта составляет важный источник народного богатства».⁸⁹ Низкая рентабельность сельского хозяйства в большинстве районов страны не способствовала консервации феодальных отношений, которые могли бы стать в определенной мере тормозом на пути экономического развития страны. Орлов-Давыдов пишет, что «обширные земли, уступленные турками по окончании войны, остаются до сего времени без всякой пользы для помещика, потому что обрабатывание их при наложенных повинностях превзошло бы цену самого имения».⁹⁰ Особенности историко-географического развития государства, отсутствие укоренившейся веками феодальной традиции создавали предпосылки для будущей политико-экономической модернизации Греции, в основе которой будет лежать формирование капиталистических отношений. Во многом эта модернизация будет опираться на передовые просветительские идеи.

Важным фактором становления нового греческого государства и самосознания было развитие образования. Причем, как уже отмечалось ранее, в развитии национальной системы образования греки во главу угла ставили светские идеи европейского просвещения и практическое образование, предпочитая их религиозно-духовному знанию. Причем все без исключения путешественники отмечают активное стремление греков к образованию, которое проявилось уже в первые годы после освобождения Греции от турецкого ига, несмотря даже на отсутствие всех необходимых для этого условий. «Расположение греческого народа к образованию приводит в удивление иностранцев, посещающих сию страну, когда так свежи в ней язвы последних злополучий», - вспоминает Базили и далее добавляет: «Есть города и деревни, опустошенные войной; среди одичалости и развалин безмолвствует печальный остаток народонаселения, а на церковном подворье малолетние дети теснятся кругом приходского священника, который, укрываясь с ними от солнца в тени погорелого здания, учит их по лоскуткам

⁸⁹ С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 75.

⁹⁰ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 292.

книг и заставляет чертить буквы на песке».⁹¹ Путешественники отмечают, что становлению греческой системы образования, в особенности высшего, в значительной степени способствовали пожертвования от представителей греческой диаспоры за границей. «У правительства не было денег - и со всех сторон полились приношения в пользу науки: из Лондона, Петербурга, Вены греки присылали большие суммы на основание университета, института, академии наук», - писал Милюков.⁹² Определенную помощь также оказывали и всевозможные филэллинские общества или просто симпатизировавшие молодому греческому государству иностранцы, в том числе и русские. Базили вспоминает, как во время открытия семинарии при монастыре на Поросе присутствовавшие офицеры базировавшегося на острове русского флота «сделали по собственному движению подписку в пользу нового заведения».⁹³ Таким образом, как и в прежние годы, Россия продолжала помогать становлению национального образования в Греции.

Немаловажным фактором, который свидетельствовал о демократизме греков и немало способствовал социальной мобильности греческого общества, была доступность образования для самых широких слоев населения. В результате греческий студент во многом отличался от своих собратьев в Европе или России. Вот как Милюков описывает атмосферу, царившую в Афинском университете, созданном в 1837 году:

Того известного типа молодого человека, который надевает студенческий сюртук для того, чтоб блистать в кондитерских и театрах, в Афинах не существует. Говорят, что страсть к учению здесь не бескорыстна, и всякий мальчик, посещая школу, мечтает уже о дипломе, который должен обеспечить ему положение в жизни. Но разве это не извинительно? Едва только открылся университет, молодые люди начали сходиться в него со всех концов Греции. Были случаи, что иной приходил в город с

⁹¹ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 111.

⁹² Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 71.

⁹³ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 93.

несколькими драхмами в кармане и определялся слугою или мальчиком в какой-нибудь магазин, требуя за свои труды только кусок хлеба да три часа в день для посещения лекций.⁹⁴

Захаров подчеркивает, что с момента создания независимого государства в Греции открылось множество новых учебных заведений: университет, политехническая школа, несколько гимназий, военные училища, в которые устремились в поисках знаний все слои греческого общества: «У греков страсть к наукам неимоверная: у них мужчины и женщины – все учатся. Университет посещают люди всех званий и на лекциях слушателей всегда много, не только молодых, но и пожилых».⁹⁵ Лип-рт также отмечает, что слушателями Афинского университета были люди «всех званий, средних и даже пожилых лет, привлеченные в него одним только желанием образовывать себя».⁹⁶ Причем тяга к образованию проникала в самые широкие сои общества. Милюков пишет, как нередко в самой беднейшей деревне жители нанимали сельского учителя и по очереди «дают ему постель под кровлей своей избы и место за скудным обедом. И вот этот кочующий педагог, за неимением школы, собирает учеников под открытым небом, на паперти деревенской церкви или под тенью дерева, и дети по целым часам сидят за своими книгами».⁹⁷ Тяга греков к образованию в этот период была настолько сильной, что обучение своих детей многими даже самыми беднейшими представителями греческого общества воспринималось как некая ценность в себе, даже если в дальнейшем знаниям, полученным в учебных заведениях, не будет найдено практическое применение. Характерный пример приводит Милюков, описывая диалог

⁹⁴ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 74.

⁹⁵ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С.81.

⁹⁶ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 26.

⁹⁷ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 74.

простой прачки с его греческим знакомым Ликадисом, по поводу обучения ее дочери в престижном женском институте Арсакеон в Афинах:

Надобно было видеть, с каким гордым удовольствием, вынимая белье из ручной корзинки, она говорила:

-Моя дочь ходит в Арсакеон!

-Что ж ты будешь делать с ней, когда она выучится? – спросил у нее Ликадис.

-Она будет учить богатых людей.

-А если не найдет места?

-Да разве Вы думаете, что образование помешает ей стирать белье? Ведь она и теперь иногда помогает мне! – отвечала гречанка, гордо поправляя свою алую феску.⁹⁸

Данные примеры характеризуют греческое общество как молодой и динамично развивающийся организм, склонный вбирать в себя все передовые веяния времени. Доступность образования для широких слоев населения создавала и важную предпосылку проникновения в массы государственной идеологии, что после обретения независимости наряду с религией, языком и участием в национально-освободительной борьбе являлось существенным фактором консолидации греческой нации и формирования массового самосознания. По мере становления греческой нации и государства, которое взяло на вооружение национальные доктрины воссоединения всех греческих земель, у Греции появятся и новые внешнеполитические приоритеты, что неизбежно приведет к переосмыслению своего места в европейской политике и отношений с другими державами, в том числе и Россией.

⁹⁸ Там же.

§2. ОТНОШЕНИЕ ГРЕКОВ К РОССИИ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

Особенности общественно-политического и экономического развития Греции в первые десятилетия после окончания войны за независимость во многом отразились на отношении греков к России и русским. Поначалу русское влияние в Греции было ощутимо достаточно сильно. Об этом свидетельствует даже тот факт, что первый президент Греции Иоаннис Каподистрия долгое время был на российской дипломатической службе и говорил по-гречески «не совсем свободно, но с приятностью».⁹⁹ Русская эскадра была расквартирована в Греции на постоянной основе и даже помогала правительству Каподистрии справиться с антиправительственными мятежами в самый трудный начальный период становления национального государства.¹⁰⁰ Присутствие российского флота, а также помощь, которую оказывала Российская империя Греции в период войны за независимость, внушали грекам уважение к своему могущественному северному другу. Так, Орлов-Давыдов вспоминает, как по его прибытии в Навплию в июне 1835 года, «печать с двуглавым орлом, приложенная к моему паспорту, доставила мне всевозможное уважение со стороны городского начальства, и оно откомандировало нарочного чиновника для нужных приготовлений к моему дальнейшему путешествию».¹⁰¹

Постоянные контакты между двумя народами обусловили и определенное культурное влияние России на Грецию. Так, пребывание русского флота на Поросе, где в первые годы после освободительной революции находилась российская морская база, в значительной мере

⁹⁹ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Часть 1. Спб., 1834. С. 147.

¹⁰⁰ Базили достаточно подробно описывает подавление антиправительственного мятежа на острове Порос с помощью русского флота, чему он сам был свидетелем. См.: Там же. Часть 2. С. 67-116.

¹⁰¹ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 1. Спб., 1839. С. 58.

трансформировало жизненный уклад острова. Описывая свои впечатления от посещения Пороса, Базили отмечал:

... Можно счесть Порос русским городком, а Морейский берег – цветущею деревнею полуденной России. Жители почти все понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски. Их дружеские связи с нашими матросами начались с того дня, когда первые русские, прибывшие в Порос, вместо дальних предисловий и рассказов с пориотами, снимали фуражку, крестились приговаривая: «Грек – христианин, русский – христианин» - и дружески обнимались, как дети одной церкви, и пенный кубок *краси* (вина – Ф.Я.) запечатлевал братский союз.¹⁰²

Характерно, что русские путешественники по-прежнему рассматривают узы православия, связывавшие греков и русских, как основу дружбы двух народов. Базили также пишет, что пребывание российского флота на Поросе в определенной мере способствовали экономическому подъему острова, улучшив «состояние города во всех отношениях».¹⁰³ Культурное влияние России можно было ощутить и в других частях Греции. Описывая высшее светское общество острова Сира, Базили отмечал: «Как приятно иногда слышать в обществе русские разговоры девиц, воспитанных в Одесском Институте».¹⁰⁴

Путешественники отмечают, что в первые годы после революции греки, в том числе и самые низы общества, проявляли огромный интерес к России, хотя зачастую у них были довольно-таки своеобразные представления об этой далекой стране. Орлов-Давыдов пишет, что во время его пребывания в небольшом городке Андрицена в Аркадии, на русского гостя пришли посмотреть толпы любопытных греков, «расспрашивавших меня о России, например, родятся ли в ней двуглавые орлы».¹⁰⁵

¹⁰² Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 79.

¹⁰³ Там же. С. 82.

¹⁰⁴ Там же. С. 28.

¹⁰⁵ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 58.

Можно говорить и о достаточно сильном политическом влиянии России на внутривосточную жизнь Греции в рассматриваемый период. Русские путешественники отмечают, что при принятии многих решений, причем не обязательно на самом высоком уровне, греки действовали с оглядкой на Россию. Например, Базили пишет, что когда на Поросе произошел антиправительственный мятеж, присутствовавший на русском корабле греческий офицер, «объясняясь простым языком чувства, он заклинал адмирала не относить к бесчестию греческого народа безумной шалости толпы бунтовщиков. Притом, задумавшись, приговаривал: что скажут в России?»¹⁰⁶ Русское влияние несколько ослабло после смерти Каподистрии, но по-прежнему оставалось достаточно сильным. Влияние так называемой «русской партии», которую составляли сторонники ориентации на Россию, заметно усиливается во второй половине 1830-х гг. и до конца десятилетия она будет играть ключевую роль в определении политики короля Оттона.¹⁰⁷ Характерно, что даже в начале 1840-х гг., когда влияние «русской партии» ослабевает, многие политические силы в Греции по-прежнему не решались действовать самостоятельно, без предварительного одобрения России. Российский дипломат описывает, как во время восстания 3 сентября 1843 года, результатом которого стало принятие конституции, мятежники, предводимые генералом Димитриосом Калергисом, «не хотели действовать, не быв наперед уверенными в предварительном согласии и одобрении России». При этом, дипломат отмечает, что Калергис, не будучи уверенным, что Россия поддержит его замыслы, прибег к обману:

В ночь на 3 сентября (1843 г.) заговорщики, расхаживая по улицам Афин, подошли к дому русского посланника, где тогда был большой званый вечер, и послали своего предводителя еще раз спросить его мнения насчет их предприятия. Каллерджи (Калергис – Ф.Я.) вошел в залы, походил несколько минут между

¹⁰⁶ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 84.

¹⁰⁷ Подробнее о «русской партии» см.: Мисюревич О.Е. Становление национального государства в Греции: «Русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997.

гостями, не перемолвил ни одного слова с хозяином, сидевшим за картами, и возвратившись к своим, лукаво сказал, от его имени, роковое «да». На другой день г. Катакази (наш тогдашний посланник), - во избежание кровопролития и в предупреждения дальнейшего развития революции, грозившей принять ужасные размеры и ниспровергнуть самый трон короля Оттона, - должен был волей и неволей вместе с прочими иностранными представителями признать совершившийся переворот.¹⁰⁸

Учитывая тот факт, что автор был российским дипломатом, данное описание в определенной мере может быть отражением официальной точки зрения на события сентября 1843 года, в частности желания России отмежеваться от своей причастности к восстанию. Вопрос же о роли России в конституционном мятеже остается до сих пор спорным в историографии.¹⁰⁹ Однако данное описание достаточно четко характеризует консервативно-охранительные установки российской дипломатии в середине 1840-х гг., в частности приверженность монархизму и неприятие революций. Дипломат невольно свидетельствует о том, что подобная роль России начинает тяготить определенные круги греческой политической элиты, приоритеты которой начинают существенно отличаться от установок российской дипломатии.

Следует также отметить, что с самого начала благожелательное отношение греков к россиянам не было до конца бескорыстным. Выше уже приводились многочисленные примеры всевозможной помощи, которая оказывала Россия Греции. Однако греки не были бы греками, если бы даже на бытовом уровне не пытались извлечь выгоду из благосклонного отношения к себе русских. Описание Милюковым общения с греческим таможенником в порту Пирея, который предложил за определенную плату не беспокоить русского литературоведа досмотром багажа, служит тому красочным подтверждением:

¹⁰⁸ С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 86.

¹⁰⁹ См.: Мисюревич О.Е. Становление национального государства в Греции: «Русская партия» в 1837-1844 гг. М., 1997. С. 191-197.

Я дал ему полдрахмы, то есть почти гривенник на русские деньги. Он любезно улыбнулся мне и спросил: эффенди (господин – Ф.Я.) – француз?

-Русский! - отвечал я.

-Россос? Как же это я не заметил! Но ведь русские имеют обыкновение давать целую драхму. Может быть эффенди еще не знает – но это так уж заведено.

-Отчего же это?

-Как отчего! - проговорил телонис (таможенник – Ф.Я.), взглянув на меня с видимым удивлением, - оттого, что русские – не французы. Вы понимаете разницу, и греки понимают, давно все понимают. Видите вы этот пароход, вон, где люди купаются?

-Вижу, - сказал я, ожидая, что из этого выйдет.

-Ну, так это пароход русский. Господа офицеры съезжают с него на берег совсем без чемоданов, и всякий раз дают драхму.

-За что же?

-Так ведь они русские! Вы тоже русский... мы одной веры: эффенди верит, во что я верю...¹¹⁰

Однако общность веры переставала для греков быть серьезным аргументом, когда их интересы вступали в конфликт с интересами представителей России. Причем распространялось это даже на отношения между двумя православными церквями. Описывая свои впечатления от посещения Афонского монастыря, Орлов-Давыдов пишет, что «русские монахи терпят в своем монастыре много притеснений от греков, не только в хозяйственном отношении, но и в управлении монастырским имением, и даже в церковной службе, которую не дозволяется им отправлять на славянском языке».¹¹¹ Таким образом, хотя в целом отношение греков к русским оставалось достаточно благожелательным, оно было далеко не во всем бескорыстным и зачастую имело под собой вполне конкретные прагматические соображения. Россия воспринималась как сильная влиятельная держава, от отношений с которой во многом зависело молодое

¹¹⁰ Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 32.

¹¹¹ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 2. Спб., 1840. С. 191.

греческое государство. Однако греки при этом не склонны были отказываться от собственных интересов в пользу России.

Не случайно, что по мере ослабления позиций России на международной арене в результате поражения в Крымской войне 1853-1856 гг. восприятие греками России претерпевает определенное изменение. Так, Милюков в 1857 году отмечает, что «последняя война поколебала, но не заглушила веру в наши силы».¹¹² Далее эта новая тенденция, проявившаяся в отношении греков к России уже в середине 1850-х гг., будет нарастать. Однако было бы неверным говорить о том, что отношение греков к России поменялось на 180 градусов и стало резко негативным. Напротив, во все времена значительная часть населения по-прежнему с симпатиями обращала свои взоры к северному соседу. Скорее Россия со своими феодально-монархическими пережитками в общественном мнении греков все меньше и меньше являлась ориентиром для политического и социально-экономического развития. Попытаемся проследить причины этого процесса на основе воспоминаний русским путешественников.

Ранее уже отмечалось, что жизненный уклад греков, их менталитет, хозяйственная деятельность значительно отличались от российских реалий. Даже в своем отношении к церкви – институту, который был одним из ключевых звеньев в российско-греческих связях, - греки относились с меньшим пиететом, а политическая роль церкви в жизни общества постепенно сокращалась. Греки легко воспринимали новые веяния, поэтому неудивительно, что по мере укрепления греческого государства, с Россией их связывали в большей мере теплые воспоминания прошлого, в то время как в своих представлениях о будущем они обращали взоры к передовым европейским странам. Дипломат С.Н., которому довелось стать свидетелем горячих политических споров на Корфу между так называемыми русофилами и англоманами (сторонниками ориентации на Россию и Англию),

¹¹² Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 32.

вспоминает, что первые в качестве своего главного аргумента выдвигали «оскорбления, каким подвергалось национальное чувство со стороны англичан», чего никогда не приходилось терпеть со стороны русских. Вторые же заявляли, что именно англичанам остров был обязан экономическому подъему: «Говорят о благосостоянии жителей Ионических островов при англичанах, о многочисленных тратах ими денег и о влиянии, которое имел этот постоянный прилив золота на всю страну; о работах, какими ежедневно были заняты тысячи рук, об оживлении местной промышленности от множества потребителей, ныне исчезнувших».¹¹³

Именно сохранявшиеся феодально-монархические пережитки и экономическая отсталость воспринимались греками как одна из главных причин неудачи России в Крымской войне и ее внешнеполитического ослабления. Милюков отмечал: «Не раз случалось мне слышать жалобы на то, что мы начали борьбу, не приготовив ни дорог, ни паровых кораблей, ни союзников. Но еще чаще мне говорили в Афинах: “Когда вы проведете железные дороги, освободите крестьян и дадите больше простора образованию, вы будете первый народ в свете!”»¹¹⁴ Полвека спустя поражение России в русско-японской войне 1904-1905 гг. вызовет волну анти-русских настроений в определенных кругах Греции, что станет ярким свидетельством все усиливающейся отдаленности Греции от России. Посетивший Грецию вскоре после окончания войны журналист Николай Райхельт, писавший под псевдонимами Путник и Н.Лендер,¹¹⁵ отмечал, что «общая беда России – несчастная война - чувствовалась здесь сильно. Все отвернулись от нас; в каждом разговоре с туземцами русский человек замечал пренебрежение к себе, отпускались по нашему адресу и колючие

¹¹³ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. Спб., 1869. С. 173–174.

¹¹⁴ Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 69.

¹¹⁵ См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М., 1957. С. 385.

шпильки».¹¹⁶ О произошедшем в общественном мнении Греции изменении по отношению к России свидетельствует и тот факт, что если в середине 19 века поражение России в войне вызывало сочувствие у большинства греков, то в начале 20 века – критику у значительной части населения.

Безусловно, такое изменение отношения греков к России было отчасти связано и с новым внешне- и внутривосточными ориентирами греческой элиты, которые также значительно изменились на протяжении 19 века. Если в 1820-1830-е гг. влияние России на политическую элиту Греции было безусловным, то впоследствии оно сходит практически на нет. Не последнюю роль в этом играло то, что влияние России на становление греческого высшего образования, которое стало основным источником национальных кадров для государственной службы, было крайне незначительным. Описывая свое посещение от библиотеки Афинского университета, Милюков писал:

С первого взгляда видно, что она всем обязана западной Европе: книги в ней большею частью итальянские, немецкие и французские. На русском языке я ничего не нашел, кроме журнала министерства народного просвещения да разрозненных словарей. Между тем профессора говорили мне, что в университете всегда есть студенты, которые учатся по-русски, а Типальдос (директор библиотеки – Ф.Я.) не раз писал в Петербург и просил прислать наших классиков. А между тем при всякой войне с турками мы кричали, что идем проливать кровь за Грецию!¹¹⁷

В результате греческое высшее образование основывалось прежде всего на немецкой и французской академических традициях, а преподаватели из этих двух стран играли ключевую роль на начальных этапах становления высшего образования. Ситуация практически не изменилась и в дальнейшем. Как отмечает путешественник Николай Абров, посетивший Грецию в начале 1890-х гг., «что касается до состава профессоров, то теперь

¹¹⁶ Путник (Н.Лендер). По Европе и Востоку. Спб., 1908. С. 118-119.

¹¹⁷ Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 74.

они уже все греки, хотя и получившие большей частью свое научное образование в германских и французских университетах».¹¹⁸ В результате политическая и интеллектуальная элита Греции была в значительной мере ориентирована на европейский опыт. Таким образом, пассивность российского правительства в вопросе формирования политической элиты Греции способствовала постепенному ослаблению влияния России на Грецию и изменению общественных настроений в Греции по отношению к России.

Характерным проявлением этого стало постепенно утверждавшееся представление о России как о геополитическом сопернике Греции. Если ранее Российская империя виделась грекам как страна, реально способствовавшая освобождению греческих земель от турецкого ига, то по мере утверждения доминирующей роли Великой Идеи в общественном сознании греков часть политической элиты усматривала в экспансионистской политике Российской империи возможную угрозу объединения всех греков в едином государстве, в том случае если России удастся установить свой контроль над черноморскими проливами. Эти настроения достаточно характерно проявились в беседе с одним из афинских профессоров русского путешественника и географа Михаила Венюкова, который приводит следующие слова профессора:

Русские? Да ведь мы будем делать им глазки до того момента, как нам удастся захватить если не Босфор, то хоть Геллеспонт. Тогда южная, самая важная, часть России у нас в кулаке... Вы пропустили в 1878 году (русско-турецкая война 1877-1878 гг., закончившаяся победой России – Ф.Я.) случай захватить проливы; больше вам такого случая не представится. Все, чего мы опасаемся, это чтобы проливы или хоть один Геллеспонт не были захвачены англичанами, - с ними нам бороться не под силу. Но мы натравим на них вас же, русских, австрийцев, румын, французов и пр., и рано или поздно ворота в Черное море будут в наших руках. <...> Вы, может быть, недовольны моей откровенностью относительно России, так ведь

¹¹⁸ Абров Н. От Марселя до Одессы через Афины и Константинополь. М., 1893. С. 35.

вы же сами желали знать истину. Ну вот я и изложил ее вам, как понимаем ее мы, эллины, от первого до последнего, исключая, может быть, двор, еще не вполне отождествившийся с народом.¹¹⁹

Данное высказывание свидетельствует об еще одном немаловажном факторе, который стимулировал отдаление Греции от России, а именно проблема самодержавного монархического правления. Начиная с конституционного восстания 1843 года политическая роль монархии в Греции постепенно сокращается, а влияние двора на политические процессы в стране ослабевает. Одновременно в греческом обществе развиваются демократические институты в виде политических партий, выборов и широкого участия масс в избирательном процессе. Практически все русские путешественники отмечают крайне высокую политическую активность греческого общества, включая его самые низы. «Общественная жизнь, с ее общественными и государственными интересами, бьет здесь живым ключом и захватывает всех и каждого», - отмечал Абров, комментируя оживленность греческого общества во время очередной предвыборной кампании.¹²⁰ Правда, путешественник обращает внимание на «почти полное отсутствие женского элемента»¹²¹ в политических собраниях и мероприятиях, что свидетельствовало о сохранении определенных элементов традиционного общества. Разговоры о политике были едва ли не главной темой общения для греков, которые любили собираться в кофейнях и обсуждать последние политические новости. В целом все путешественники отмечают, что кофейни были неотъемлемым элементом общественно-политической жизни греков, где они могли горячо спорить, обмениваться мнениями, делиться новостями и тревогами. «Жизнь греков ... публичная, - вспоминал художник Захаров. - Они с утра до вечера проводят время в

¹¹⁹ Венюков М.И. «Из Афин». Русская Мысль. № 6. М., 1891. С. 78.

¹²⁰ Абров Н. От Марселя до Одессы через Афины и Константинополь. М., 1893. С. 58.

¹²¹ Там же. С. 85.

кофейнях, любят читать журналы, которых в Афинах выходит три или четыре, играют в кости или на бильярде, рассуждают о торговых делах, болтают, и только на ночь приходят домой».¹²² Такая публичность общественной жизни во многом способствовала формированию демократического мышления и демократических институтов у греков, несмотря даже на монархическую форму правления. «Греческая знать времен Византийской империи исчезла без следа, и теперь греческое общество демократичнее всякого другого в Европе, за исключением разве швейцарского и норвежского», - писал Венюков.¹²³ Возможно, восторженность автора от посещения Греции и ее сравнения с российским обществом, которое в большей мере было подвержено условностям социального статуса и происхождения, заставили Венюкова отчасти преувеличить степень демократизма греков и принизить роль местной аристократии. Однако данное замечание представляет большой интерес с точки зрения тенденций общественного развития Греции и его восприятия русскими путешественниками.

В связи с этим представляется уместным и пример, приводимый Н.Лендером, в котором в какой-то мере отражается образ мышления российского человека, привыкшего жить в обществе, где четко определены социальные границы. Путешественник был немало удивлен, что слуга в гостинице, нисколько не стесняясь, мог позволить себе поправлять говорившего по-гречески автора: «Говоришь слуге (отеля - Ф.Я.) “кесарисе му та руха”, что обозначает “почистите мне платье”, а слуга начинает вам читать лекцию: “Не кесарисе, а ке-θ-с-арисе”».¹²⁴

По мере развития буржуазных отношений значительная часть населения Греции начинает тяготиться монархическим правлением и активно

¹²² Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 86.

¹²³ Венюков М.И. «Из Афин». Русская Мысль. № 6. М., 1891. С. 74.

¹²⁴ Путник (Н. Лендер). По Европе и Востоку. Спб, 1908. С.206.

поддерживает идеи ограничения монархических полномочий и привилегий. В этой связи следует напомнить, что супругой короля Греции Георгия, правившего страной в 1862-1912 гг., была русская княгиня Ольга Романова. Следовательно, стрелы, выпускаемые против монархии, были во многом направлены и против России. «При Делианисе (занимал несколько раз пост премьер-министра Греции в конце 19 века), которого так безмерно восхваляли греки, плохо приходилось представителям греческой придворной партии и даже самому греческому двору, - пишет Райхельт. - Делианис с систематической жестокостью стеснял греческий двор в бюджете, не разрешая ему подчас и небольших расходов. <...> Благодаря деспотизму парламента положение королевского двора в Афинах крайне тяжелое. Королева Ольга Константиновна, любящая Россию и русских, и за то не любимая греками, обыкновенно надолго уезжает из Греции в Россию».¹²⁵

Наконец, говоря об отношении греков к России следует отметить два немаловажных момента, без которых картина была бы неполной и однобокой. Во-первых, несмотря на то что определенная часть политической элиты Греции была настроена негативно по отношению к России, не искушенные в большой политике простые греки по-прежнему относились к русским с большой симпатией, зачастую гораздо большей, чем к представителям других стран. Милюков описывает, как, прогуливаясь недалеко от Акрополя и разговаривая со своим греческим собеседником по-французски, ему довелось встретить старого пастуха. Старик сначала подумал, что путешественник был из Германии, однако после того как пастух узнал, что Милюков приехал из России, «нахмуренное лицо старика прояснилось». Далее автор пишет: «Россос!- проговорил старик, прикладывая руку к сердцу, - садись, садись! Русские - наши гости! Русские - наши братья!»¹²⁶ Аналогичную сцену своей встречи с греческими

¹²⁵ Там же. С. 155.

¹²⁶ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 53.

крестьянами описывает и некий русский путешественник Л.А.Бенике, посетивший Грецию более чем полвека спустя: «Узнав, что я русский, они обрадовались и заявили, что они русских считают братьями».¹²⁷

Во-вторых, ослабление ориентации на Россию было естественным следствием процесса становления греческой нации и формирования национального самосознания. Можно говорить, что уже во второй половине 19 века греки достаточно четко начинают осознавать себя единым народом, проживающим в уже сформировавшемся государстве и имеющим свои четкие внешне- и внутривосточные цели. Красочным примером того пути, который прошли греки с момента обретения независимости, служат приводимые русскими путешественниками сравнения Афин и Константинополя и проживавшего в двух городах греческого населения. Журналист и публицист Василий Соловьев, посетивший оба города в 1890-х гг., отмечал существенную разницу и в характере поведения жителей, и в облике самих городов: «После Константинополя Афины производят впечатление совершенно европейского города: широкие улицы (по крайней мере в центре), просторные площади, европейские костюмы, хорошее освещение вечером, дисциплинированная толпа, умеющая двигаться, не наступая на ноги и не толкаясь локтями...».¹²⁸ Другой русский путешественник Сергей Голоушев, писавший под псевдонимом Глаголь и посетивший Афины и Константинополь примерно в это же время, отмечал, что образ городской жизни в определенной мере сказался и на различии характеров афинских и константинопольских греков:

Мне представлялись они (афинские греки - Ф.Я) юрким, плутоватым, подвижным народом, мечтающим, прежде всего, о наживе – и о наживе каким бы то не было путем. Я представлял себе Афины чем-то вроде маленького Константинополя - бойким маленьким рынком, с навезенным отовсюду товаром, с быстрыми, не всегда опрятными сделками и с большим оборотом. Если хотите, в этом представлении даже нет большой

¹²⁷ Бенике Л.А. Поездка в Грецию. Харьков, 1915. С. 28.

¹²⁸ Соловьев В.Н. В Стамбул и Элладу. Казань, 1899. С. 69.

ошибки, поскольку оно относится к тем грекам, которые издавна населили Константинополь, Смирну и другие города юго-восточных побережий. Но те греки, оказывается, сами по себе, а настоящие греки сами по себе. Даже сами греки чувствуют и признают разницу и для первого типа у них есть даже особое название *πολίτης* – сокращенное от *Κωνσταντινοπολίτης*, буквально *горожанин*. И настоящий грек не признает в себе ничего общего с этим типом...¹²⁹

Данный пример является ярким свидетельством диалектики развития греческого общества с момента образования государства. С одной стороны, греки, проживавшие в своем национальном государстве, постепенно, по крайней мере на бытовом уровне, отдалялись от своих соотечественников, по-прежнему томившихся под турецким игом или живших в других странах. Греки Греции решали уже совсем иные задачи, нежели греки Османской империи, для которых гораздо острее стоял вопрос выживания и противостояния ассимиляции. Поэтому первые даже в определенных случаях могли смотреть на последних свысока. При этом, несмотря на существенные различия в образе жизни между греками, проживавшими в Греции и за ее пределами, а также очевидную модернизацию и европеизацию страны, греки сохранили представления о единстве греческого народа, несмотря на регион проживания его представителей.

Не последнюю роль в этом играла и греческая интеллектуальная элита, которая, опираясь на государственную идеологию, активно культивировала в массах идею воссоединения всех греческих земель в едином государстве. Характерно, что под влиянием Великой Идеи интеллектуалы-западники в Греции постепенно эволюционируют от постулатов Европейского Просвещения, идеология которого внесла существенный вклад в освобождение Греции от турецкого ига, в сторону национализма и экспансионизма. Так, Венюков приводит мнение о единстве всех греков

¹²⁹ Глаголь С. На Юг. Из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим и Венецию. М., 1900. С. 125–126.

афинского профессора, который, будучи выпускником Цюрихского политехнического института, французской Сорбонны и других заграничных учебных заведений, «остался чистокровным эллином»: «Нет грека, который бы с младенчества не думал, что Греция везде, где слышится греческая речь».¹³⁰

Русские путешественники также немало удивлялись патриотизму греков, иногда достаточно наивному и безрассудному, который весьма ярко характеризовал молодую и ищущую нацию. После нескольких десятилетий истории нового независимого государства Греции его жители стали ощущать себя прежде всего гражданами своей страны и лишь затем - выходцами из определенной местности. Вот как, например, чувства афинян по отношению к своей стране описывал Миллюков:

Самая любовь к родине и патриотизм доходят у афинских греков до увлечения, иногда трогательного, иногда комического. Никто так не способен, как грек, пожертвовать отечеству жизнью и состоянием, и никто не дозволит веру в свою нацию до такой смешной наивности. Грек любит свою родину той слепой любовью, которая не подчиняется рассудку. <...> Вся европейская политика отражается в Афинах под углом, совершенно недоступным обыкновенному взгляду. Послушать греков – так вся Европа день и ночь занята только греческими делами: Англия заняла Мальту и Гибралтар из опасения Греции, Пальмерстон (английский премьер-министр – Ф.Я.) мешает прорытию Суэцкого канала, боясь, чтобы греческий флот не проник в Индию, Франция покоряет Алжир и усиливает флот из страха к возрастающим силам Греции; в восточной войне и в индийском восстании – везде тайная пружина одна Греция.¹³¹

Наконец, греки были неплохо осведомлены о делах диаспоры и поддерживали с нею достаточно активную связь. Русский путешественник Райхельт был немало удивлен знаниями одной из греческих семей, встреченных им на пароходе, «о своих соотечественниках, живущих в

¹³⁰ Венюков М.И. «Из Афин». Русская Мысль. № 6. М., 1891. С. 74.

¹³¹ Миллюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Миллюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 70.

России». «Они всех знали, хотя в России никогда не были»,- вспоминал автор.¹³² Патриотизм греков, вера в свою страну, связь с диаспорой во многом будут способствовать дальнейшему объединению греков, несмотря даже на те трагедии и неудачи, с которыми им придется столкнуться на этом пути.

¹³² Путник (Н.Лендер). По Европе и Востоку. Спб., 1908. С. 206.